

Колыбельная Мурманску

Андрей Анипко в Мурманске известен достаточно хорошо. Это и не удивительно: коренной мурманчанин с улицы Достоевского, или с Доста, как принято говорить в нашем городе на подростковом сленге. Родился 15 сентября 1976 года в семье инженера и музейного работника. Окончил мурманскую среднюю школу с углубленным изучением иностранного языка. Определиться с выбором дальнейшего пути помог директор Мурманского областного краеведческого музея В. А. Пожидаев: только философский факультет главного питерского университета! Андрей поступил. Учился на «отлично». Однако в скором времени философский оставил. Поиски самого себя привели в тот же университет, но уже на другое отделение. Изучал древние языки, штудировал германскую филологию. К сожалению, завершил только третий курс. По состоянию здоровья – от умственного перенапряжения сдали нервы! – учебу отложил на «когда-нибудь потом». Вернулся в родной Мурманск. Работал в доме творчества, преподавал немецкий язык, участвовал в театральных проектах здешнего педагогического института. И ... писал стихи. Много. Оригинально. Заносчиво. В Мурманском книжном издательстве в 2002 году вышла маленькая, но сразу обратившая на себя внимание книжечка стихов и переводов с музыкальным названием «Увертюра». Ее автор придумал себе звучный и говорящий псевдоним – Арсений Северин. По нему-то Андрея Анипко знают и помнят многие поклонники заполярной поэзии. Не заметить пиита, представленного в предисловии «одним из виртуознейших российских версификаторов», было просто невозможно! Причем за автором предисловия Абросимом Плотским по обычаю игровой постмодернистской культуры скрывался, очевидно, сам Андрей. Такое высокомерие дразнило. Хотелось щелкнуть новоявленного гения по носу. И щелкнули. В печати появились не самые лестные рецензии от мурманских стихотворцев. Арсению Северину дали понять, что таланта

он не лишен, среди поэтических строчек нет-нет да и засверкают на солнце «настоящие жемчужины», но работать молодому сочинителю еще есть над чем: хромает стиль, рифма, размер. Особенно задело рецензентов то, что в конце книжки Арсений Северин берется переводить не что-нибудь, а сонеты самого Вильяма Шекспира! Причем приписывает автору «Ромео и Джульетты» и «новые» произведения: не существующий в природе 155(!) сонет. То есть, выдает собственное творчество за шекспировское? Почти скандал! Смущала первых читателей и тематика представленных на суд «виршей». Не о северянах, не о природе, не о красных датах календаря писал молодой человек, а о «философии Любви, Времени и Смерти». Его интересовала – страшно вымолвить! – «гомо- и некрография». Призадумаешься... Да, в тоненькой «Увертюре» дерзкий Арсений Северин ловко пародировал балладный стиль Гейне, виртуозно играл мифологемами, «шпарил» сравнениями и метафорами, шокировал нетрадиционными мотивами... Все это «просвещенной публике» навеивало сходство с шедеврами русской поэзии Серебряного века: Михаил Кузмин, Игорь Северянин, Федор Сологуб ...Но то ли всерьез «виртуознейший версификатор» следовал за их образцами, то ли позволял себе поэтическое ерничество, понять тогда – в 2002 году – было, признаться, трудно. Начинающий автор вел себя как-то чересчур театрально, что не могло не навести иного читателя на мысль об юношеском снобизме. И надо отдать должное мурманскому издателю И. Б. Циркунову, который рискнул выпустить такую оригинальную книжку стихов никому по сути не известного, но весьма самобытного земляка. Оформил «Увертюру» популярный в Мурманске поэт и художник Василий Рябков. Современный поэт и талантливый оформитель, похоже, поняли друг друга с полуслова. Обложка «Увертюры» получилась остроумной, даже издевательски шутовской. На ней изображен выскакивающий из гроба Арлекин. Черно-белая клетка пола символизирует шахматно-поэтическую «задачку»: темные фигуры – тени в средневековой арке лирических персонажей автора: принц, шут, безумец. В углу красуется герб, с готическими инициалами А. С. Приятно и немного страшновато взять экземпляр книжечки в руки. Кстати, она давно уже стала библиографической редкостью: тираж разошелся на удивление быстро.

Да, «Увертюра» стала маленьким, но событием в поэтической среде Мурманска. Арсений Северин связывал с Севером большие творческие планы. Именно в столице Заполярья вызвался совершенствовать начинающих поэтов в ремесле. В предисловии, подписанном, напомним,

Абросимом Плотским, гроссмейстером «Гильдии гиперборейских горацев» (ГГГ), сообщалось о наборе в «Поэтическую мастерскую Арсения Северина» – «Выдающегося современного литератора». Лихое начало! Не правда ли? Есть во всем этом и дань игровой природе литературы новейшего времени, и своего рода раздражающее маститых мэтров «ячество». Мурманск «Увертюру» принял достаточно холодно. рецензенты Д. Коржов и В. Семенов не поспешили однозначно принять Арсения Северина в свой поэтический круг. И он, как положено «единоличному гению», замкнулся в себе. Говоря попросту, обиделся.

В Мурманске издавать свои произведения Андрей Анипко зарекся. А в Санкт-Петербурге в 2006 году выпустил небольшую, опять же экспериментальную книжку стихов «Иллюзиады» (художник И. Волков). На сей раз Арсений Северин называет себя «неоимажинистом». А в витиеватом наукообразном предисловии, подписанном поэтом А. Бауманом, говорится, что «автор “Иллюзиад” умеет мимикрировать под любую поэтическую реальность», но «сближение эпох получает новое существование – рудиментализм». Посему Арсений Северин может быть причислен «К декартовским людям-автоматам, прячущим под зонтами механику расчисленного и завершенного мира». Все не так просто? Скорее всего. Может, и к «Увертюрам» в Мурманске надо было подойти с высокой филологической планкой? И понять на манер А. Баумана, что Арсений Северин – тот поэт, который вкусил «дары просвещения» и потому не внушает мыслей о «первозданности Эдема». Рудиментализм как метод, по теоретической мысли поэта, – последовательное воспевание основного «рудимента» – смерти. А инструмент «версификатора» – изысканная пародия. Да, такой художественный вектор нельзя не осознать (пусть и задним числом) в мурманской «Увертюре». Но не только заранее «мертвое» (по форме и стилю) предлагает читателю Арсений Северин. В нем – может быть, вопреки желанию самого поэта? – нет-нет да и прорывается голос живого обыкновенного смертного. И человек этот глубоко страдает. прежде всего, от одиночества. Велика потребность быть разделенным в дружбе, испытать настоящую сердечную привязанность. Со времен Мурманской «Увертюры» Арсений Северин ищет повод сказать не только «я», но и «мы». Однако желанного союза с родственной душой так и не происходит. «Всегда один» – вот формула его земного существования. Стоическая. Романтическая. Достойная уважения.

Надо сказать, что «Иллюзиады» в Санкт-Петербурге, как и «Увертюра» в Мурманске, подверглись беспощадной – и как это принято

на «берегах Невы» – насмешливой критике. Поэтическое сообщество (студия при доме-музее А. А. Ахматовой) самолюбие Андрея во внимание не приняло. Он пережил «реакцию» на собственный эксперимент с трудом, но к мнению столичных авторов прислушался. Особое влияние на молодого поэта имел авторитет Алексея Пурина – известного питерского стихотворца, заведующего поэтическим отделом журнала «Звезда». А. Анипко был вхож на редакционные «собрания-посиделки» «Звезды», общался с молодыми и опытными питерскими поэтами, со свойственной ему одержимостью наверстывал пробелы образования, искал свою нишу, свою манеру, стиль. Как вчерашний «виртуозный версификатор», он с легкостью мог пародировать любого мастера. Но с возрастом стал понимать, что «мертвые» строчки мало кому интересны (какие бы традиции и новации за ними не стояли). Нужно именно «Живое слово». Да-да, то самое «со слезами смешанное». Да где его взять? Ответ на этот вопрос всегда прост. Он ведь у Пастернака! Помните? «Когда строку диктует чувство, / Оно на сцену шлет раба, / И тут кончается искусство, / И дышит почва и судьба» (Пастернак, 1998).

К Борису Пастернаку Андрей Анипко относился, как и многие представители поколения рубежа XX и XXI веков, неоднозначно. И причины такого отношения требуют подробного объяснения, анализа. На это в данном Предисловии не отпущено места и времени. Суть расхождений в том, что нынешние молодые редко могут похвастаться присущей автору «Тетради Юрия Живаго» гармоничностью, глубиной и истинностью христианских воззрений. Поэзия последнего времени – это, как правило, бесконечное сомнение, часто тупики и полная безысходность тоски, одиночества, страдания от душевной опустошенности. Молодым близок и понятен прежде всего Лермонтов. И Андрей Анипко – не исключение. Он пессимистичен, порою даже уныл. При этом честен, правдив с самим собой и читателем. Что сегодня «поэтическая правда»? Скорее всего, это мужество признаваться самому себе и в роковых ошибках, и в смертных грехах, и в позорном малодушии, и в невозможности нести бремя самого земного существования. К 2008 году стихи Андрея Анипко (взявшего в социальной сети другие псевдонимы – Йордан Кейн, Андрей Савельев, Андрей Небко) стали отличаться лирической пронзительностью, почти исповедальностью. В них все еще присутствовал игровой элемент (ролевые персонажи в духе, допустим, Маркиза де Сада, Жана Жене, Бодлера), но собранные вместе «избранные стихи» представляли собой «историю души, ее жизненных всплесков и затяжного, но

последовательного умирания в том виде в каком моя память способна воссоздать эти процессы». Сегодня стихи 2008 - 2012 годов расположены на портале Стихи.Ру. Их около трехсот. И это не считая поэм, переводов, эссе. Из этого поэтического колодца – черпать и черпать. В 2013 году сестра Андрея – Екатерина Анипко собрала и издала в Санкт-Петербурге книгу стихов. Называется она «Затмение». Состоит из трех тематических разделов: «Любовь», «Затмение», «Смерть». И четыре стихотворения – в Эпиллоге. Название – своего рода завещание. А. Анипко, который к концу жизни все чаще именовал себя Андреем Небко (под таким псевдонимом и вышло «Затмение»), оставил некоторым из своих друзей подборку текстов, за которую ему не было бы стыдно. Назвал – «Затмение». В предисловии объяснил, что это «своего рода роман в стихах, писавшийся, однако, не планомерно, а внезапно сложившийся, как мозаика, из до того разрозненных кусочков смальты». Сам поэт выбрал стихи, которые еще дождутся своего часа. Сегодняшний читатель к ним пока не готов. Екатерина Анипко предложила свой выбор произведений брата. И, надо признать, книжка получилась хоть и неровной по стилю (стихи разных лет очень отличаются друг от друга по самому поэтическому методу), но весьма содержательной. Стихотворения, в ней размещенные, требуют пристального внимания, вчитывания. Важно «помедлить над строкой», перечитать, задуматься, разобраться в ассоциациях – своих и поэта. Удивительно, но стихи Андрея со временем становятся все прозрачнее. Они поистине распускаются, как цветы. Изданная в Санкт-Петербурге «черная Книжица» (душевно оформленная И. Немичевой) быстро разошлась, обрела своих поклонников, вызвала интерес профессиональных поэтов. И Андрея Анипко (Небко), правда, чуть запоздало, но все же признали в северной столице. Журнал «Звезда» в феврале 2013 года опубликовал подборку стихов из «Затмения». Балетно-поэтическая презентация книги состоялась в одном из театральных кафе. В галерее «Сарай» при доме-музее А. А. Ахматовой в апреле 2014 года собрались питерские друзья Андрея, преподаватели университета, известные поэты, филологи, просто поклонники поэзии вспомнить товарища добрым и скорбным словом, порассуждать о путях современной литературы, прояснить для себя и слушателей смысл сказанного Андреем Анипко (Небко), расшифровать им нам оставленное. Обсуждение последних стихов поэта состоялось и на заседании студии Алексея Машевского: ребята судили строго, но доброжелательно. А сам руководитель подчеркнул сопричастность произведений автора «Затмения» лермонтовской традиции. В 2013-2014 году стихи и переводы

неоднократно печатались в альманахе современной поэзии «Зеленая среда». Талантливому, но рано ушедшему из жизни поэту посвятила телевизионную передачу литератор Наталья Дроздова. В литературный обиход Санкт-Петербурга новое имя вводит наставник и друг Андрея – переводчик Михаил Клочковский.

Настоящая Книжка («Флейта») – дань признания таланта А. Анипко на его родине, в Мурманске. В апреле 2015 года в краеведческом отделе Мурманской областной научной библиотеки состоялся вечер памяти поэта. «Еще не миф, уже не бьель...». Готовились долго и тщательно. Родственники Андрея и организаторы вечера собрали публикации, фотографии, видеоматериалы, позаботились о музыкальном оформлении, пригласили всех, кто так или иначе знал А. Анипко по Мурманску: одноклассников, немногочисленных знакомых, журналистов, издателей. Со времен горделивого Арсения Северина прошло немало лет. Соберет ли мероприятие публику? Опасения оказались напрасными. Вечер собрал людей, способных оценить жизнь и творчество сочинителя по достоинству. Возникла идея издать «мурманскую книжку». Первая «Увертюра» просила, что называется, «завершающего аккорда». Или... мелодии флейты в финале. Название придумывали мучительно, долго. Предложения сыпались, как из рога изобилия: «Лапландия. Последние стихи», «Медальон», «Из дома в дом», «Светлые ночи», «Светозарное», «Черно-белая – радуга». Остановились на «Флейте». Ведь так называется одно из самых лучших стихотворений Андрея Небко. Оно исполнено печали. Поэт говорит о неизбежности и обреченности пути для того, кто «флейту нашел, а себя потерял». Верность мелодии – неперемное условие творчества. И важно не сфальшивить, не изменить самому инструменту. Конечно, образ флейты многогранен и красноречив. Как не вспомнить дудочку Крысолова из немецкой легенды, перешагнувшей в гениальную Поэму Марины Цветаевой? Да и трагедия «Гамлет» напрямую связана с флейтой. Не правда ли? Той самой, на которой прикидывающийся сумасшедшим принц Датский просит сыграть своих вероломных друзей – Розенкранца и Гильденстерна. А они... не умеют. Не в силах справиться с простой дудочкой, приписывая себе, тем не менее, «знание клавиш» своего странного друга Гамлета. Стихи А. Анипко всегда многослойны. Аллюзии и реминисценции любого культурологического калибра автору по плечу. И потому читать «Флейту» станет для каждого взявшего книгу в руки и обыкновенным наслаждением, и филологическим испытанием. Если стихи придутся по душе, что-то важное скажут уму и сердцу, – значит,

поэт состоялся! Важно, однако, помнить, что автор прошел непростой путь поиска, экспериментов, бегства от себя придуманного, возвращения к себе подлинному.

Произведения, опубликованные Мурманским книжным издательством, выдерживают самую строгую критику, доскональный поэтический разбор. Однако филологический анализ стихотворений может сбить доверчивого читателя с толку, навязать чуждую его восприятию точку зрения. Скажем лишь то, что книжка включает в себя три раздела.

Первый – «Лапландский цикл». Как возник он? В 2005 году Андрей Анипко со свойственной ему категоричностью решил «остаться на Севере – в Мурманске – навсегда». Как человек со вкусом, любящий северную природу – суровую землю и высокое небо над ней, к тому же весьма начитанный в истории нашего края, он нашел слова признания и уважения. Спел отчему краю своего рода «колыбельную песню»: утешил, убаюкал, заговорил связью – вязью! – слов. Создал, если угодно, северное поэтическое кружево – накинул сетку-невидимку над Кольским заливом, залитыми вечерним солнцем проспектами, сопками, блочными домами – с родной, но и «роковой» улицы Достоевского. Улицы – Тупика, домов – клеток.

День раскрашен в зеленый и земляничный
в зыбком зеркале охорашиваются скалы
с криком носятся чайки – пернатые скальды
все подвластно закону лазурных пустынь
на мозолистой насыпи худощавый мальчик
он мечтает о музыке дальних странствий
приближается зрелость «любимый, здравствуй!»
и на тонкие плечи ложится снег...

(День раскрашен в зеленый и земляничный...)

или:

смирись!
лишь чаек перекличка
лишь монотонный вой валов –
взамен забытого величья –
почти увечья: под углом
к наклонной плоскости паденья
то в простоту то в пестроту
мгновений...

(Я вью серебряные нити...)

Цикл полон тонких поэтических наблюдений, пронизан смешанным чувством: безысходности и восхищения. Андрей Анипко,

еще подвластный изобретенной им теории рудиментализма, пытается быть описательно-нейтральным. Чуть отстраненно, внешне холодно играя словами-ассоциациями, он, тем не менее, воссоздает картины быта, подмечает особенности погоды, вникает в настроение обитателей заполярного города.

...но

виновны ль Мы в медлительности нашей?
дома по кровли плоские заносит
и юности приходится донашивать
чужой любви саднящие занозы –

на площади, у города-гостиницы,
гуляют парни с будущими женами
и матерями – но застенчивым петитом:
посторонись, прохожий, обожжешься!

на этих пальцах пяльцами распята
моя любовь к арктическим широтам,
где солнце абрикосовым сиропом
на облачных лоснится жеребятках.»

(«таких озёр – ни у кого на свете...»)

Стихи и тут (как в «Иллюзиядах») напоминают мозаику, из которой складывается местами пафосно величественное, но чаще узнаваемое по местному колориту панно.

я в Лапландии вырос
и вынес
из Полярных контрастов одно:
где-то спит очарованный Витязь,
уколовшийся веретеном
(«я в Лапландии вырос...»)

или:

и Город стал на Семи террасах
и музыку Севера услышал
и смуглые дни в ледяных кирасах
рассыпали сполохи впопыхах
(«здесь проходил безымянный апостол...»)

Второй раздел – коротенькие «Ноктюрны». Они созданы в 2002 году. Андрей был тогда еще верен эстетике Арсения Северина. И «Ноктюрны» в какой-то степени – своим артистизмом – напоминают первую книжку стихов «Увертюра». Но они намного мягче, лиричнее. Свойственная автору элегическая печаль намечена, сквозит в каждом

стихотворении, но не ранит сердце. Скорее, тревожит предчувствием расставания – эпилога. «Ноктюрны» нежны и музыкальны. Это своего рода «песенки Пьеро». Судите сами:

№ 3

Мы снова вместе, ясная полоска,
льнаным лучом прильнувшая к подошве,
а светоч твой, серебряная блестка,
дрожит и дышит Яхонтовой дрожью.

Отлив, и не достать до отраженья, –
да и к чему? – я знаю не по книжкам,
что не душа желает выраженья,
а лишь уста глаголют от излишка.

Прощай, полоска! доброй, тихой ночи!
Я ухожу, и след мой неприметен,
а серп Луны так аппетитно-сочен,
как будто сам, а не от Солнца светел.

Третий раздел называется «Последние стихи». Каждый, кто знакомится с этими пронзительными и по-настоящему, без снисхождения, сильными откровениями молодого поэта, не может не оценить их художественную зрелость. В чем она проявляется? Прежде всего, в языке, культуре стихосложения, близости русской поэтической традиции. Андрей Анипко становится узнаваемым по теме и интонации. Тема по сути все та же: осознание – полное! без иллюзий! – своего человеческого одиночества. Нет родства сердец, нет «ответной руки».

Со времен откровений Михаила Лермонтова, кажется, ничего и не изменилось. А что должно было измениться? Метафизика страдания. Муки – «быть» без надежды «состояться». Интонация стихов отчасти тоже лермонтовская, романтическая: сложное, щемящее душу сочетание мужественности с детскостью, отчаяния (от неизбежности раннего, досрочного ухода) с невольной благодарностью (за временное присутствие в мире; пусть редкую, но разделенность в мимолетных дружбах, сердечных привязанностях). Многое в стихах позднего А. Анипко от русской классики. Здесь не только Лермонтов вспоминается, но и трагический Бунин, философичный Тютчев. Из современников Андрей созвучен своим питерским учителям – Алексею Пурину, Александру Леонтьеву. Не он первый, разумеется, говорит о тщете духовных усилий, непостоянстве дружбы, опустошенности души, умственном тупике. Важно то, что на новом историческом витке молодой поэт не боится повторить эти истины вновь, быть искренним и честным в

нахлынувшем пессимизме, в слабой надежде на спасение, упрямо преследующем и изнуряющем сердце сомнении. Поэт Анипко (Небко) – человек своего времени. Рубеж XX–XXI веков – в России это никому не надо объяснять – в социальном смысле протекал очень бурно, рискованно, кризисно. В духовной сфере коллизии общества нашли свое отражение в явлении, которое по прошествии времени можно назвать «неодекадансом». Уроженец Мурманска, ученик питерской поэтической школы, А. Анипко (Небко) настаивал на своей обособленности, почти «аутизме» (один из его лирических образов), но при этом стал созвучен стихотворцам своего поколения. Причем многие из авторов ушли из жизни на рубеже веков так же, как он, – «самоволком», внезапно, трагически.

В ноябре 2014 года имя Андрея Небко (Анипко) было представлено на Третьих Всероссийских чтениях «Они ушли. Они остались». Слушая истории молодых «рубежных» авторов, можно сделать вывод о том, что почти всем им была свойственна пессимистичность, разрыв мечты и действительности, отдаление от традиций Серебряного века (Б. Пастернак, А. Ахматова) в силу преобладающих в уме и сердце сомнений, безверия, тоски, иррациональной устремленности в небытие, отказа от реального действия, активной жизненной позиции. Они таковы. Звучит, что и говорить, не очень ободряюще. Зато честно. И этой честностью поколение «неодекадентов», может, и сохранится в истории многострадальной русской поэзии XX–XXI веков?

Вот и Андрей последователен в своем неприятии фальшивых житейских благ, выдуманных или лукавых «истин». Он способен на бескомпромиссность, бесстрашие и ... беспощадность. К кому? К себе самому и, конечно, близким людям, которых оставляет. Самого себя, впрочем, по завету символиста В. Брюсова, «полюби беспредельно!» Самому себе поэт привык доверять, самого себя слышать и слушать. Может быть, он не знает, чего он «хочет от жизни», но точно знает, с чем не согласен, от чего и от кого отрекается. В предисловии принято цитировать строчки поэта в доказательство высказанных им суждений. Пожалуй, на сей раз обойдемся без этого. Андрея Анипко (Небко) важно не цитировать (хотя многие его стихи могут разойтись на афоризмы), а воспринимать в целом как единую исповедь «сына века». Это – исповедь непокорного сына, вероломного друга (в духе требования М. Цветаевой: «Никто, в наших письмах роясь, / Не понял до глубины, / Как мы вероломны, то есть – / Как сами себе верны».) (Цветаева, 1989), временного пассажира-попутчика.

Все, кто знали Андрея, говорят о его поэтической и человеческое феноменальности. Он, действительно, был «не от мира сего». В жизни и даже в судьбе того или иного попутчика он возникал как испытание или предупреждение. Андрей часто «провоцировал» родных и друзей на реальные искренние поступки, обнаруживающие в итоге либо его – человека – подлинность, либо – лживость. Он судил мир и людей особой мерой – то ли «деятельной любви», то ли неутешительной правды о «Триумфе Смерти»? Так же строго он подходил и к самому себе. Особенно к стихам. Браковал их нещадно! И перед самым своим уходом, за неделю до гибели, попросил: «хочу, чтобы обо мне все забыли». Но, наверное, для некоторых своих стихов он сделал бы исключение. И потому – отчасти вопреки воле автора – они в этой книжке. В мае 2012 года Андрей Небко написал три стихотворения подряд: «Дорога», «Лестница Иакова», «Сомнение». Обратите на них особое внимание! Поэт собирается в «дорогу»: переступить порог земного существования ради жизни Вечной – аллегорически подняться по «Лестнице», очутиться в Раю. Но «сомнение» как всегда глохнет сердце. Гамлетовский вопрос остается неразрешенным. Поклонниками творчества Андрея «Лестница Иакова» безоговорочно признается лучшим стихотворением поэта. Подвергнуть шедевр анализу – занятие неблагодарное. Но, тем не менее, хочется дать представление о многослойности и глубине поэтического дара Анипко. Не пожалейте времени, прочитайте завершающее наше предисловие эссе, посвященное «духовному завещанию» автора.

Если «Флейта» – мурманская книжка стихов А. Анипко – найдет свой путь к сердцам читателей, состоится главное: признание поэта на его родине. Да, он трудно и неоднозначно относился к родному краю. Многие его в Мурманске тяготило и раздражало. Но нельзя не признать, что именно Север дарил автору и особый род вдохновения. Часто, возвратившись в очередной раз из Петербурга на улицу Достоевского в Мурманске, Андрей обреченно вздыхал: «Приехал умирать...». Болел, уходил в депрессию, ерничал, «восставал из пепла», смирялся, бунтовал, верил, отчаивался... Все как и положено поэту! Но при этом – всегда! – писал стихи. Как исповедь. Как дневники. Последние, прощальные ... Чтобы – в них! – вернуться. Уже навсегда. Строкою. Буквою. Паузой. Тишиной.

ТИХАЯ ЗАВОДЬ

ты хотел тишины? получай тишину:
ветра вой и бубнилка дождя.
ты ушел с головой в эту тину и тьму,
но забыл рассказать, уходя,

как прекрасен закат над сутулым мостом,
как ты счастливо было, дитя.
из душистого ила, зеленых истом
летней влаги вставала, хотя

громкой жизни, заря, – но, годами соря,
ты судьбу свою протанцевал,
и теперь ты одет в чешую пескаря,
и дрожит, и мерцает металл

драгоценный; ты сам себе рыл западню
с первых дней, первых лет, первых лун –
был ты юн? а теперь в золотую броню
бьется рокотом сонным бурун,

и уже далеко до зари, до росы,
и часы становятся вот-
вот, – а сизый закат отошел за мысы, –
значит, кто-то увидит восход,

и чужая забота взлелеет ростки
золотые... а здесь – тишина,
ветра вой; спи и грезь, будто недалеки
первый день, и заря, и луна!

20.04.08.

Андрея Анипко нет. 8 июля 2012 года чуть за полночь – в разгар солнечного полярного дня – его жизнь оборвалась. Остались стихи. Важно, чтобы их прочитали. По достоинству оценили. Приняли сердцем. Особенно здесь, на родине поэта, – в Мурманске.

Людмила Иванова. Июнь, 2015 г.

Литература

Пастернак, 1998. Пастернак Б. «О, знал бы я, что так бывает // Избранное. – СПб: Респекс, 1998. – С. 354.

Цветаева, 1989. Цветаева М. Цыганская страсть разлуки // Стихотворения. – Мурманск: Кн. изд-во, 1989. – С. 40.

Эссе, Андрей Небко. «Лестница Иакова»*

...если ты боишься умереть
и все-таки держишься за жизнь,
ты постоянно видишь,
как демоны отрывают
от твоей души огромные куски.
Но, если ты успокоился
и смирился,
то демоны превращаются в ангелов...

*Фильм «Лестница Якова» (режиссёр Эдриан Лайн
по сценарию Брюса Джоэла Рубин, 1990, США).*

Я не знаю, смотрел ли АА психологический триллер «Лестница Якова». Не исключаю, что смотрел. Могу предположить даже, что именно из его – не самого, скажем так, замысловатого – сюжета он черпал свои идеи для стихов последнего времени. Напомню фабулу: герой фильма – участник войны во Вьетнаме Якоб – тяжело ранен и по сути уже почти мертв. Но в потревоженном ранением сознании он как бы доживает свою жизнь: встречается с приятелями, морочит голову женщине, получает травму позвоночника, беседует с доктором. Последний и открывает Якобу одну философскую истину: рано или поздно человек должен освободиться от всех земных привязанностей, и тогда к нему явится Ангел и уведет отмучившуюся на земле душу в Рай. Находящийся на грани жизни и смерти, Якоб измучен припадками психического расстройства. Дело в том, что во время вьетнамской Войны на рядовых его подразделения спецслужбы проверяли действие психотропных препаратов. Они, напрямую действуя на мозг человека, разрушали личность. У несчастного подопытного время от времени возникало чувство, будто он опускается по некой Лестнице прямо в Ад. Ад невыносим! Но от этого только крепче человеческие привязанности. Им, однако, должно сгореть... Освобожденный от земного бремени обретет полное забвение. И тогда за ним спустится с Небес Ангел. И по той же Лестнице, но уже не в Ад, а в Рай устремится душа, оставив на земле тело. Так произошло с героем фильма Якобом. Демонов сменил маленький мальчик – Ангел. Врачи же констатируют смерть. Но ее нет. Есть только

---

* В эссе здесь и далее Андрей Анишко обозначается инициалами — АА.

Лестница – прямо в Рай.

Вот такое кино. Скорее всего, АА о нем знал. И в какой-то мере проецировал на свою жизнь, свои страхи, сомнения, веру в спасение души.

В случае творчества А. Анипко все не так просто. Понять, как и откуда он черпает сюжеты и даже вдохновение (слова этого крайне не любил) непросто. Как человек своего времени, АА усвоил законы ряда субкультур, его привлекали эпатажные киножанры. Но в то же время поэт был более чем начитан в философской литературе. В последние годы много времени уделял вопросам теологии. «Лестница Иакова», написанная за два месяца до трагического ухода автора, – своего рода загадка, шифровка. Какие впечатления сгущены в ней? Что явилось поводом к написанию стихотворения? Может, и не видел АА никогда психологического триллера «Лестница Якова»? И его последний шедевр родился в мае 2012 года вполне самостоятельно? Или – что еще более вероятно! – благодаря библейской притче о Лестнице, соединяющей земное и небесное. Заглянем в словарь:

«ЛЕСТНИЦА ИАКОВА (слав. Лѣствица Иаковля) – один из важнейших христ. религиозно-худож. символов, основанный на эпизоде из жизни библейского патриарха Иакова, внука Авраама, родоначальника двенадцати “колен Израилевых”. Спасаясь от гнева своего брата Исава, у которого он обманом приобрел право первородства, Иаков бежал к своему дяде Лавану в Харран (Верхняя Месопотамия). Заночевав по пути в местечке, названном им Вефиль (“Дом Божий”, в 16 км к северу от Иерусалима, современный Бейтин), Иаков видел сон, не только определивший судьбу будущего богоизбранного народа, но и в символич. форме содержащий основы библейской “философии истории” (Быт 28:10-19). Лестница, по которой нисходят и восходят ангелы, утверждается на земле, но касается неба; стоящий на ней Бог подтверждает обетования, данные предкам Иакова, обещая его потомству землю, на которой он сейчас спит (отсюда ее название “Земля обетованная”). Согласно христ. богословию Л. И. указывает на неразрывную связь неба и земли, осуществляемую Богом через своих посредников – ангелов. Она также рассматривается как символ воплощения Сына Божия, соединившего небо и землю (ср. Ин 1:51), и Божией Матери, через к-рую исполнилась эта “страшная тайна”. Поэтому службы богородичных праздников включают чтение паримии о сне Иакова, а литургич. тексты именуют Деву Марию “Лествица небесная, еюже сниде Бог”, “Мост, возводяй сущих от земли на небо” (из Акафиста Богородице). Данная символика имеет и иконографич. воплощение:

присутствие на иконах Богоматери изображения лестницы (наряду с “Неопалимой купиной”, “Жезлом Аароновым прозябшим” и др. ее библейскими символами)». (Российский гуманитарный энциклопедический словарь, 2002).

Вот, оказывается, как все непросто! И, несомненно, имеет прямое отношение к сюжету и поэтики одного из последних стихов АА. И не учитывать этого нельзя. Однако подвергнуть «Лестницу Иакова» дотошному филологическому анализу – заведомо разрушить ее очарование. Стихотворение производит завораживающее впечатление. Поэт, как никогда раньше, нежен и открыт своему читателю. Стоит обратить внимание на то, как много в «Лестнице» слов с уменьшительными суффиксами: лесенка, мальчуган, коробочка, кораблики, личико... Они сообщают произведению нечто трогательно-ласковое, детское. Лирический персонаж автора говорит о том, что готов предстать нынче пред небесной Владычицей – Пресвятой Богородицей. В сюжете «Лестницы Иакова» последовательно совершится переход из земной обители в обитель вечную. Каждое слово поэтического шедевра имеет свою смысловую и символическую нагрузку. С пространством «жизни» связаны, скорее всего, негативные, агрессивные коннотации. Лестничный «пролет» на земле атакует «Околесица и Гололедица» – знак чепухи и неуют. Существование «Здесь» – это «лед» и «сон». Но мальчуган (безусловное альтер-эго автора) продышал «стекло ледяное» – кружок окошка – «до небес». И теперь можно отправиться в желанное путешествие? Символ «окна», кстати, весьма многозначен. Это, несомненно, граница между мирами, между видимым и невидимым. Думается, АА было близко толкование окна как «всевидающего ока», или как волшебного окошка в мир представления, театра, сказочной мистерии. Теплое Дыхание – проводник из сонного мира земли в мир жизни вечной. Кажется, что вверх по Лестнице – от земли к небу – поднимаются двое ребятишек: «Мы взойдем, только мальчик-и-девочка», /в облаков недотрогу – нугу, / и не скажет никто, чье же дело, что / наши косточки – гроздь на снегу». Их взаправду двое? Признаться, есть сомнение на сей счет. Думается, что герой АА, как всегда, одинок. Но его душа привычно раздваивается: «мальчик-и-девочка». Один другому – двойник. Так могут быть абсолютно похожими друг на друга брат и сестра. Образ «сиамская двойчатка» – один из самых сильных, лирически пронзительных в стихах АА. Ему важно быть духовно разделенным, самому себе – возлюбленным и другом. Заметим, что в стихотворении «Лестница Иакова» местоимение «мы» однажды (почти вне логики) сменяется на «я». К престолу

Владычицы Поэт («я») вознесет гроздь рябины, веточку ивы, ижицу. Символы сердечной тоски и непреходящего Слова (ведь ижица – это последняя буква в греческом алфавите). Особенно многозначен в этом ряду образ ивы. Это и печаль, и бессмертие, и напоминание об Евангелии. Рябина, ива, ижица – дары, с которыми «новобранцы» предстанут перед Богом. Все выше и выше поднимаясь по Лестнице, «мальчик-и-девочка» видят землю уже как бы со стороны. Лучше сказать – с высоты вознесения. Их взору открывается погост. Описание его поэтично, вдохновенно. Замечательна метафора «пенное кружево», которым «дети» просят Пресвятую Владычицу объять бrenную землю, где «по травке, от сопочки к сопочке. поставцы запорошил апрель, / и баранкой свернулся в коробочке, в ноздреватой груди – коростель». В стихотворении нет ничего случайного, существующего только ради, допустим, рифмы, красивого словца. Так поэт обращается к образам птиц. Это – дрозд, коростель, зяблик. Дрозд на облаке «По деткам расплакался». Случайно? Пожалуй, нет. Особенно если учесть мифы о «черном дрозде», мягко говоря не жалуящем свою семью и потомство. И тут – ближе к престолу Владычицы – вдруг расплакался?! Смягчилось сердечко. Коростель, свернувшийся в груди новопреставленного (поставца), скорее всего, символ прозы жизни. Зяблик в христианской традиции напрямую связан со страданиями Христа. Это – тернии, боль, но и предвестник Воскрешения: «и поет – заливаётся зябликом, отвечая на чьи-то шаги». Чем ближе к Небу, тем свободнее и радостнее. Земная жизнь не удалась: «по щиколотку ноги в извести / да рябиновый пепел в горсти». На земле стужа. И – «тленье положено / четырех на пороге сторон». Но есть «тростниковый трезвон». Тростник – образ, часто встречающийся в поэзии. Не только в русской (Тютчев), но и мировой. Так в японской традиции он соотносится с долиной смертных, в христианской – с непоколебимостью Иоана Крестителя. Тростник тоже соединяет землю с небом. В его колыхании есть своя музыка (трезвон) – устремление вверх. Итак, переход «мальчика-и-девочки» совершен благополучно. («Глядь – уже и дорожка протоптана, / и крылатые Хлопцы снуют/ вверх и вниз»), «Крылатые хлопцы» – Ангелы. И дорожка все дальше удаляется от земли, где другие мальчишки в пруду все еще пускают кораблики. Так забавлялся в детстве, наверное, и сам лирический персонаж «Лестницы». И его можно теперь узнать в том парусе, который уменьшился в размерах и совсем исчез из вида. И открылось другое пространство – «Облетающая крона небес». А Ангелы превратились в спелые яблоки – традиционный символ Рая. И... искушения. Стихотворение АА устремлено к освобождению от

земных пут и верой в обретение жизни вечной. Такая возможность преобразования открывается детской чистой – не сонной – душе, где «мальчик» и «девочка» дружны между собой и легки на подъем по Лестнице Иакова. Они вольны «очнуться в прозрачном лесу», оставив далеко позади грустную и Холодную отчизну.

Таково одно из последних стихотворений талантливого мурманского поэта – Андрея Александровича Анипко. Нельзя не расслышать в нем интонацию духовного завещания. Прислушаемся же к ней с полным вниманием, а по возможности – сочувствием, которое со времен Федора Тютчева дается всем чутким людям – а уж поэтам и подавно! – как благодать.

Людмила Иванова. 20.07.2015 г.

Литература

Российский гуманитарный энциклопедический словарь, 2002.
Российский Гуманитарный энциклопедический словарь: В 3-х т. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: филолог. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2002.
Электронная версия.

... у Хаоса в силках
пишу трезвей обдуманней и реже
к озерам губы Влажные прижав –
твоим, обетованная Лапландия!

Андрей Анилко

ЛАПЛАНДСКИЙ ЦИКЛ

2005–2006

АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Я вернусь в ледяную отчизну
как отшельник в заброшенный скит
это вьюги душистый горошек
это увлекательное путешествие
из возраста в блаженную невзрослость
еще объаты сном небытия
как амфоры Эвксина наносные
легли вот эдак
        миг – и уползли
обратно – если нас не подымает
играющего óтрока рука
и мы глядим реликвиями с полок
под мерный рокот Времени валов.

***

День раскрашен в зеленый и земляничный
в зыбком зеркале охорашиваются скалы
с криком носятся чайки – пернатые скальды
все подвластно закону лазурных пустынь
на мозолистой насыпи худощавый мальчик
он мечтает о музыке дальних странствий
приближается зрелость «любимый, здравствуй!»
и на тонкие плечи ложится снег
загадай желанье! видишь хрустальный мячик
на востоке света стежок на сквозной прорехе
к волоску волосок и льются льняные волны
в памяти убаюкивающий провал
но покуда меж детством и подвигом длится распря
набери в кулачок окровавленной гальки горстку
не дождавшись пути за добычей вернется Гостя
пряжа в руках и поющее веретено времени
встала непрошенная в изглавье
не дочитал и с досадой захлопнул книгу
«судно пристав к берегам первобытной суши
дремно смежает изможденные паруса».

***

Небо смято грубой рукавицей
какие-то дети в песке побережья возьмется
о, миг один – и музыка возникнет
из упругого шепота тлеющих трав
голубинового гомона крыш
и волынки прибоя
но солнце зацепилось тусклым стражом
за горизонт и медлит помазок
чернильной Ночи может быть научит
читать по-птичьи: скошенным зрачком
расправив крылья... здесь тысячелетий
цвели костры но железобетон
окраин и картинные руины
в кирпичном сердце Крепости
она переживет
меня с тобой и глазом не моргнув
на тухлую треску расставит сети
и мы своих потомков навестим
в зеленой тоге девственной трясины
поглядеть возросла ль не на свалке ль
во славе ли заполярная Палестина
в коченеющих деснах стиснув прощальный стих.

***

Небо закрытое на ремонт
и во все остальное время
отходящему катеру на прощанье махни рукой
и вернись в аккуратно подметенный бореем дворик
а на лысину сопок льется бархатный баритон
наступившего мрака
день полярный не плавает над поляной
и залив сладострастно вылизывает вензеля
на бетонных быках
все равно этот край утонет
в неподвижных снегах
и сгустки соленых слов
не повиснут на шелковой ветке гудящим роем
предрассудок поверье
но сквозняк громыкает дверью
теребя несмышленный август Агнец облака балдахин.

***

Далеко за синим горизонтом
где слепая девушка живет
ей носят хлеб влюбленный жаворонок
и перепелка

она вышивает золотые цветы
по снежной канве
и спелое солнце в ее рукаве
лучиной дымится перегоревшей

она подбирает рассыпанные слова
и скалу одевает в цветные мозаики
добрый путь морякам
отважным мальчишкам поседевшим в походах варягам

они входят в укромные бухты
и челны осыпает брусничный рассвет
от которого больно глазам
но тепло одинокому сердцу

откликаются пестрые сланцы
на их закаленные голоса
и на шкурке небесного зайца
перекатываются мягко игральные кости

отдохнули – и снова скрипучие снасти
лучезарная смотрит вослед
и суровые воины улыбаются
узловатым тесемочкам слез
на ликующих скулах...

Умирает речь остаются книги
умирает Бог остаются ноты
дождь осыпается монотонно
чайки расшаркиваются перед

ангелами. нагишом и нагло
но не хватает земли для шага
можно попробовать не дышать
но в ужасе лопаются мембраны

нам долго внушали но не внушили
по что время шар – на периферии
злые зазубрины первых слов
и с жалобным клекотом стая фурий

комбинезоны не по фигуре
лейте стихи полируйте планки
кому-то в сортир и стирать пеленки
а здесь одинокий парит баклан

в поисках корма; болты и шайбы
и мокрая на берегу распластана
тень, и тоскливая тишина
котлом над киосками и колясками.

***

... оглохла от матерной брани Бога
сложи пополам надорви по сгибу
сопки (справка) – такое место
где облаков нерестится рыба
и если граненый рубин заката
заменят на ржавые в стельку гвозди
пожитки раздав я возлягу рядом
с посланцем Его молодым да поздним
мне будет Офелия строить козни
из омута (десять минут от Мытни)
с натугой но буду ворочать косным
копьем (языка!), обожженным тмином
разлуки – музыка беспредметна
и только весны золотые крошки
бледнеют оборачиваясь к обеду
солонкой соломинкой – как нарочно
при мне ни чековой ни наличных
но я расплачусь за обед валютой
воображения: «СОЛНЦЕ В ЛЮЛЬКЕ
ТУЧ – ОБ УТРАЧЕННОМ РАЕ ХНЫЧЕТ».

***

Что за глазки горят в коляске?
(где? в Дамаске? Днепропетровске?)
в струнку вытянулись пилястры
миловидный малыш в матроске
завтра будет с отцом расстрелян
и небесная кавалерия
на старинных летит шпалерах
в ночь кромешную в сумрак замшевый
непрерывной зари – прореяли
по паркетным лугам – вынашивать
месть расшитую канарейками
только это еще не невидаль
Дюрандаль раскололся надвое
и залив поперхнулся неводом
и в домах за чертой оседлости
оземь грянулись оба всадника
Бога светлые собеседники
я заклеивал раны им
черновиками рваными
а землю лихорадило
багровой виноградиной
и ссылаясь на их доверие
я любви попросил у Господа
путь извилист мой но не праведен
пролетающих чаек досыта
накормив ледяными осами
из метелей полярных веера.

***

Поморская природа не парадна
к ее услугам сумерки и пруд
с надменным силуэтом корабля –
дворца: поправит сальный оселедец
и закряхтит, заохает в передней
червонец водки с вечера и смерч
потешный но какая тошнота
когда на юг потянется сентябрь
и несть числа ни судьбам ни смертям
запрись в окоченевшем интеллекте –
промотанных реликте откровений
о зрелости и зрении – висеть
над мертвой гладью вод небес во власти
и воздуха диковинное свойство
на сланцы мхи пружинистые стлать
но жестко спать и вот ероша плещи
под звездным ливнем всадник или пеший
божественных транзисторы депеш
под сенью стен и сердце слюдяное
ладошкой недоверчиво прикрыв
... закуривай. незапертые шлюзы
прелюдией к банальному «люблю»
но с возрастом напористее слюни
их не сольют и праздничный салют
в морщинистой запутается тюли...

***

Лег на крылья крапленые август
но стрелок не опустит ружья
где моя молодая отвага
где мятежная юность моя?

я слежу за малиновым облаком
и стираю гранит о каблук
кто меня надоумил на блуд
и где обещанная радуга?..

я слежу за лазоревым облаком
и печаль беззащитно-нежна
и Луны золотая облатка
плечи зябкие кутает в шаль

ослепительно-алого зарева
о, неправда! здесь краски тусклы
и за кончик гранитной иглы
зацепилось... конечно, не знаю сам

что глаголам укажет на грань
за которой молчание слышно
верст на десять окрест – но безлично,
безразлично – подслушай и грабь

выдавай за свое – но видали ль
вы в заливе моем корабли
и тоску безответной любви
бедуина – к негодной гитаре?..

***

Таких озер – ни у кого на свете
таких лесов – ни на одной макушке
хотя не-лопарям быть может скучно
глядеть на сучья крошечных растений

здесь лица холодны но в сердце пекло
не одного себя в виду имею
ударь по струнам рек алмазным плектром
луны – и вырастет мелодия: мрачнее

альпийских круч но в горлышко залива
вливается неистовая Кола
и шахматного неба шевелюра
морозно побелеет у висков, но

виновны ль мы в медлительности нашей?
дома по кровли плоские заносит
и юности приходится донашивать
чужой любви саднящие занозы –

на площади, у города-гостиницы,
гуляют парни с будущими женами
и матерями – но застенчивым петитом:
«посторонись, прохожий, обожжешься!

на этих пальцах пяльцами распята
моя любовь к арктическим широтам,
где солнце абрикосовым сиропом
на облачных лоснится жеребятках».

***

Я в Лапландии вырос
и вынес
из полярных контрастов одно:
где-то спит очарованный Витязь,
уколовшийся веретеном
и пускай ты мечта и загадка
я прижмусь к охладевшим устам
и слезами свинцовые веки
и заката зловещим кострам
в исступлении гаркну:
привет
от гранитных колоссов, от певчих ручьев,
от обители сна и забвенья
и с холста на промозглую землю
ядовитая охра стечет
– Вы про музыку? так, пустячок
но когда-то серьезно и смело –
а зачем? ведь Костлявая смелет
все живое в крупу и труху
а державному óтроку
передайте:
я отверг амфибрахий и дактиль
не для вечности в прочерке дат
далеко не в последних рядах,
но перо изнуренное слепо
и щеглы из распахнутой клетки

улетели – быть может, туда
где и будни
    пропитаны чудом
    а на этой земле – не хочу! –
    и молюсь голубому лучу
распоровшей асфальт незабудки...

***

Вечер на побережье
и нет ничего, кроме сопок и роз
пурпурного Солнца на грани заката,
и скоро Геката глубоким агатом
зальет Робинзонами грезящий порт.

Еще не матросы, но музыка странствий
в их смолью кипящие кудри вплелась;
и тихие звезды, и лунный атлас
уснувшего моря – как мудрость, напрасны,

как Муза – мудры, – и льняные вихры
шутейным взметаются с темени штормом,
и, Боже, насколько светло и бесспорно
горят опрокинутой тверди шатры!

***

Явью серебряные нити
обетованного пути
бог-искуситель, бес-хранитель:
всегда и всюду я один

один... а солнце припекает,
алмазным полозом залив,
и сопок тучные кули
на малахитовую скатерть
долин дымящихся легли

от жизнерадостного вида
беги, мой дух! не бреди
обид глубоких! Судии
печалью пошлой не гневи

что все пройдет – зима и лето,
непросыхающих болот
бадьи и бурые береты
богатырей-боровиков

о, не пройдет, а НЕ БЫВАЛО
НА ДЕЛЕ! – новью удивлен?
и что младенческих пелен
батист – захлестывало лавой
небытия? сойди с дивана!
в ландшафт мерцающий вглядишь –

картонка! краски! отпылала
твоя пора – всегда ОДИН!

смирись!

лишь чаек переключка
лишь монотонный вой валов –
взамен забытого величья –
почти увечья: под углом
к наклонной плоскости паденья
то в простоту то в пестроту
мгновений – ЗНАТЬ: «тогда» и «тут»
ТВОЙ ДУХ ТОСКУЮЩИЙ СОДЕЯЛ
еще РЕБЕНКОМ – а теперь...
не дух – горшечная скудель
не огонь – обугленные перья...

***

Неужели ты будешь последним,
о тяжелый и радостный день?
ты упал в ледяную ладонь
заполярной Латоны

и во чреве зреет Мусагет
и гимн затеплился на скулах
и капель меда стынет Мурманск
на дне свирели штормовой

и чайки, но по-человечьи
тепло и тесно в западне
взаимности – пичужка безголоса
но и тебе несладко в клетке
чернильных перечня ночей

и дней, трудов и тунеядства
и мальчуган метнувший диск
услышит звон разбитого забвенья
и – наутек: костлявая рука
ему густой протягивает гребень...

***

Мурманск – это ты, и я, и прочий
сброд: повесь мелодию на крюк
дождь неосторожных многоточий,
скобок и кавычек – закавык

для ума; молчанья протяженность
выберет скорлупку понежней
и поклажа – благо, если плата
и в осени увесистых дукатах

оплатил – и в путь: ворон вербуй
в слушатели песенных суспензий
лучше поздно нежели полезно
и в бамбук трагический обут
... лето отпылало – не заметил
и сентябрь спланирует в сугроб
и зима разложится на атомы
теплой тьмы и света ноздреватого, –

ты же будешь только на письме,
слово спроецировав на смерть
Смысла, не предвиденного Автором...

***

Маслянистая мякоть залива
и дурманящей дали дымок
если Дух – то всегда одинок
если Дар – то мелодия либо
пестрота монохромной палитры
по фрагментам воссозданный храм
Аполлона в снегу, где Тулома
принимает в неплодное лоно
ностальгический скальпель стиха.

вновь, и снова – опилки, охапки
хартий, хохот охрипшей вакханки,
стеариновых сосен труха?

но стерильней еще и трухлявей
где не рыли окопов, где не
разгуляться окрестной шпане –
только труб тополя над поляной
полигона, не пуля – шмеля

деловитый басок; и висок
под надзором Луны холодеет,
и халдей, о требах радея,
над косматыми касками сопок
колдовские раскинули льны...

***

Здесь проходил безымянный апостол
благословляя реки и рвы
в белой пустыне олешек пасса
призрак арктической нелюбви

к солнцам и стужам. а в теплых вежах
резвились будущие рыбаки
и было снаружи как в утро мира
ангелы выюжных страниц Псалтири

«но это другая а как же тот
в митре и с посохом?» – там где полюс
алмазными мухами полон рот
но предзакатный глагол исполнился

и Город стал на Семи террасах
и музыку Севера услышал
и смуглые дни в ледяных кирасах
рассыпали сполохи впопыхах.

НОКТЮРНЫ

Ноябрь 2001– Январь 2002

№ 1

Под ногами песочатся рифмы, –
Нагибаюсь, хватаю, роняю,
А Луны потускневшая гривна –
Пена грив над морскими конями.

Эти звучнокопытные кони –
Белой грудью о груды утесов, –
И снежинкой слезится в ладони
Ассонанса алмазное просо.

№ 2

Трилистник фонарей на брошенном понтоне,
и гулкий говор волн, и скрежет валунов,
и чайка, глупая, так обреченно стонет
о том, что все – прошло, о том, что все – равно.

След, смытый с берега стремительным лобзаньем
волны – знак памяти на отмели времен;
но ровный верен шаг, – и серебрятся сзади
трилистник фонарей и брошенный понтон.

№ 3

Мы снова вместе, ясная полоска,
льняным лучом прильнувшая к подошве,
а светоч твой, серебряная блеска,
дрожит и дышит Яхонтовой дрожью.

Отлив, и не достать до отраженья, –
да и к чему? – я знаю не по книжкам,
что не душа желает выраженья,
а лишь уста глаголют от излишка.

Прощай, полоска! доброй, тихой ночи!
Я ухожу, и след мой неприметен,
а серп Луны так аппетитно-сочен,
как будто сам, а не от Солнца светел.

№ 4

Неделя бежит за неделей,
Бегут за годами года,
И льются певучие трели
Охотно, почти без труда.

Тетрадка под синей обложкой
Приемлет привычную снедь,
Затем что с одной плодоножки
Глаголы «Любить» и «уметь»;

Затем что незримая сила
Венчает бумагу с пером,
И в сердце ночные светила
Певучим текут серебром.

Волна ласкает валуны
с умильным лепетом и плеском,
и ярко светится Луны
молочно-белая подвеска.

Валун покорствуует волне,
и шелестят морские травы,
и по задумчивой Луне
струятся тучи кровью ржавой.

№ 6

Сегодня фонари за пеленой
печального, как песня, снегопада.
Не устремить внимательного взгляда
ни на берег, лобзаемый волной,

ни на Луну. Насупленные тучи
лиловый застилают небосвод,
и кажется, что Голос – частный случай
пророческой задумчивости вод.

Луны ломоть, в заливе взмылен –
legato между мной и мглой –
виолам ветра, чтоб не выли,
в игру вгрызается иглой

расхлябанного граммофона,
не отличающего «фа»
от «ф», и звук теряет форму,
преобразуясь в артефакт

акустики, – а куст и кипень
в кисель взбиваемой волны
ассимилируются в типе
вещей, которые даны

перцепции. Першит в гортани
от избытка аффрикат,
и месяц то звенит в кармане,
то робко прячется в рукав.

№ 8

Фонарь насупился; прощанье
невыносимо и стеклу.
Я уходил... Он за полу
цеплялся чахлыми лучами

и умолял: «Не покидай!
Ужели мы не побратимы?»
Прости! но нет необратимей
путей, ведущих в никуда.

Фонарь! в глазах рябит от пестрых лент,
какими ты знаменовал свой траур.
В расщелину не втиснуть скорбных лепт,
Заведомо разменянных на «браво!»

Нет, я не рвался в чудо-тенора,
когда совал свои банкноты в кассу
вокзала; коль не прыткостью пера,
то кандалами буду сходен с Тассо.

Спасибо, что три месяца ронял
на гладь залива бронзовые блески.
И вот ты остаешься, а меня,
быть может, лишь редакторские сноски

помянут: дескать, жил такой-сякой,
кропал стихи и, вместо Беатриче,
мечтал о «нем», – и я вернусь, строкой
и страхом смерти в вечность закавычен.

№ 10

Осины обнимают небосвод
Молочно-бирюзовыми ветвями,
И все полгода – только эпизод
С исписанными намелко полями.

Теперь я властен их перевернуть
И, с легкой грустью подводя итоги,
В коротком эпилоге «Не забудь!»
Поставить – и забыть об эпилоге.

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

АРИФМЕТИКА

За вычетом тебя деревья.
За вычетом деревьев камни.
За вычетом камней пространство
За вычетом пространства Бог.
А Бог и есть тот самый вычет:
Приплюсовал к себе пространство,
чудак, к пространству – камни, к небу –
деревья, а ко мне – тебя.

27.10.2011

НОЧНОЙ АРЕСТ

Город пришел за мной а я не открыл дверь
город царапался, дермантин
скреб; я – как обложенный вебрь,
и я понимаю, что мне кранты.

город, укравший мою звезду,
в наждак истолокший ее алмаз,
Я же не знал, что сюда войду,
оцеплен стрелками, в последний раз

город, снаружи меня запри,
чтоб не узнал я, как пахнет плоть
дохлая... прячется за драпри
кто-то до боли знакомый, хоть

и неразличимый в кромешной тьме
город! я серенькой рыбкой – в шлюз
что ты имеешь поставить мне
в минус, когда я, куда ни плюнь, плюс?!

«брысь!» – и, раскрошена в щепы, дверь
кажет просторный и полый мрак
самому придется себя в подвал
отвести, самому обагрить тесак...

03.08. 2007

КАМЕНЬ

Встань в свободную нишу и, закатив глаза,
смотри, как проходят века..

И. Бродский, 1972

Его не волнует мирская и прочая слава.
От статуи гордой остался щербатый бульжник.
Канавы ему, очевидно, по нраву. Канавы –
наверное, лучшая пристань для бывших и лишних.

Он был человеком. А мог быть жуком или птицей.
Тогда бы не камень, а чёрный творог перегноя.
Он смотрит на мимоидущих – безглазый, безлицый,
безмозглый. Но всё-таки смотрит – глазами покоя

и мира. Волнуется кровь. Хулиганят гормоны.
На лицах осень. Но кровь попирает уставы
природы. Что можно понять. Ведь и дряхлые клёны
не прочь, но должны поневоле глядеться в канавы.

Всё просто. Ты камень. Не бронза, не мрамор, и даже
не гипс. Ни коня, ни копыя, ни тужурки, ни кепки.
Но ты не в убытке, поскольку уверен: сюда же
прийдут отсыпаться твои безымянные слепки.

16.09.2008

***

За гранью стекла, за космической пылью
твой теплый, твой нежный, твой взгляд
и руки твои, полоумные крылья,
терзают меня и казнят.
Я из лесу вышел: всё было багрово,
но в щель просочилось тепло,
и я уронил бесполезное слово,
и ветром его унесло.
И я обхватил сумасшедшие руки
раскрошенной известью губ.
Мой голос был как покосившийся флюгер,
и дым поднимался из труб.
На склоне холма, в камышах лукоморья,
за краем известных земель
я был добровольным глашатаем горя,
дудя в обомшелую щель.
И сколько ни били меня, ни бранили,
сквозь все тупики я пронес
колючую пригоршню уличной пыли,
известку космических слёз.
За гранью стекла, за нечаянной гранью,
где столько непрошенных рук,
я был чем-то вроде травы, или тканью,
похожей на вышитый луг.
Но эти твои полупьяные руки
в лохмотьях чужого тепла...
Зачем ты, богиня, на горе и муки
меня из земли извлекла?!

08.11.2011

РУЧЕЕК

Дай перепрыгнуть через палочку,
через рябиновую веточку,
упасть в слезящуюся скважину,
в окоченевшую ладонь;
я наблюдаю через щелочку,
как прыгают через веревочку
нагие мальчики и девочки
и превращаются в стволы,

и – нагло выпрыснули веточки,
и почки рдеют, листья лóсняются,
а ты - ручей, пустой, серебряный,
сквозящий полым, нежилым,
необжитой плешивой звездочкой:
они выпрастывают щупальца,
щекочут склизкие присосочки
твою надмирную тоску,
твою бесплотную серебряность,
твою охрипшую проскваженность
навстречу этим глупым чурочкам,
звнящей этой пустоте,

обросшей ягодами-листьями:
они лопочут как бубенчики,
перемножаясь в тщетной полости
на вздувшуюся пустоту;
на вздувшуюся – склизкой прелестью,
чреватую бескровной робостью,
беременную пленной тяжестью
ороговевшего тепла;

вернись, вернись, родник, ракушечка,
в свою тоскливую двустворчатость,
не распахнувшуюся вовремя,
и слишком поздно – запахнуть,
проклеить скользкими и вязкими,
блудливыми прикосновеньями,
вернись, замкнись во мрак колодезный,
не смеющий поднять бровей
на эту пряную, пахучую,
на распахнувшуюся замкнутость,
на искренность с тугими играми,
на мякотью обросший всхлип.

29.11.2011

ФЛЕЙТА

Если ты флейту нашел, а родник потерял,
следуй за ней, за ее переменчивым плачем.
На слово только не верь ей: как будто мы значим
что-нибудь, а не овчинка, сырец, матерьял:
от неудач – ни на шаг от нее! – к неудачам.

Вот и гора, на которой деревья сажал
мальчиком, вот и скамейка, два имени, кольца,
равенства знак... – Так Кааба ведет богомольца,
чтоб насмеяться в конце: «а Земля-то ведь – шар!»
Истина неоспорима, – сомнительна польза.

Нет, не к добру, не ко злу, не к благам, не к убыткам –
так, от зарубки в коре до креста на полях,
чтобы в конце ощутить себя тлеющим свитком
в пальцах, изъеденных плесенью... – Просто приляг,

просто представь себе флейту в начале маршрута,
лист разверни, заточи притупившийся стиль;
ты мне не верил – и правильно; верить кому-то –
Значит, вернуться, отчаявшись, в эту же пыль.
Флейта поёт... – Как легла; без угла, без приюта...

09.10.2011

***

Постой на пороге. Помедли. Теперь оглянись.
Мы не были парой – мы были сиамской двойчаткой.
Но ты, окунаясь в небесную серую слизь,
не вспомнишь, и чёрт с ним: халва не бывает несладкой,
а память о ней не умеет, увы, не горчить.
Тебя потянуло домой, я же трудноподъёмен.
Мы пили бадягу одну, но из разных соломин.
Теперь их не хватит, боюсь, чтобы нас разлучить.
Всё – слово, приبلудное имя: по слогу на рот.
Тебе недосуг, и съестного из них мы не сложим:
мы только слегка разминёмся – прохожий с прохожим
чтоб с этого берега вовремя смыться на тот.
Никто нас не встретит; пожмут, соболезнуя, руку;
найду себе пару – замену – считай, опохмел:
с такого-то пира!.. Но в койке расслышу по стуку
под рёбрами слева: ты рядом... Ты сам так хотел.

2010 (?)

СТИХИ С БРОМОМ

Не лезь на рожон; не спорь; уступи дорогу: –
земля спеленает тоску твою и тревогу:
на лбу ледяном топорщится флёр корней...
Сюда не войдут; но и ты не вернёшься, если
когда-нибудь передумаешь... Да, воскресли;
да, «новое небо»... – да мало ли ахиней!
Смежай же скорей ресницы! – один барашек,
второй... девяносто девятый... Не чуешь ляжек?
лодыжек? промежности? – Ты-то чего хотел?!
«Всего»? Замечательно!.. – Медленными глотками
смакуют хвощи прикорнувший в отхожей яме
«венец эволюции». Финиш её. Предел.
Уютно ли дремлется? Что же мы замолчали?
Обидно, что Слово только, видать, в начале
и было. В конце – дробь капель: с крышки на лоб.
Раз «точит и камень», то скоро просверлит дырку;
но ты охладел – говоришь, к сожаленью? – к цирку: –
а я до сих пор кувыркаюсь под «але-оп!»..

25.01.2010

ВОДА

Вода. Переливаю из пустого
в порожнее. Всё опустошено.
Всё опорожнено. Ничто не ново,
ничто не вечно. Всё – вода. На дно –
и замереть. И видеть рыболова
с его азартом, ёмкостью спиртного,
и – свет. И повторять, что всё равно.
Что он затрепыхается на леске,
как этот лещ. Что червь вползёт в нутро,
что крюк... Он улыбается по-детски,
он видит утро, верит в серебро
реки, и тонет в нестерпимом блеске
неполных девятнадцати... Добро!
Уди! Рыбачь! Всё – поплавок и леска,
а не вода! Всё – утро! всё – июль!
Лети вперёд, заигранная пьеска,
набившая оскомину! Всё – нуль
в квадрате, всё расплывчато, нерезко,
всё льётся и сливается в «буль-буль»
реки, напоминающей... Пустое!
Порожнее! Вода! – «А как же ил?
Песок? Тростник? И небо голубое,
и паренёк?..» – Оставь меня в покое,
мудила! Сделай так, чтоб я забыл!

12.10.2009

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

Ни следов на траве,
ни чернильных шагов на бумаге:
так и надо идти,
с бритвой, Блоком и парой банкнот
сторублёвых... Всё было «не так» –
Разве «всё»? – а казармы? тюряги?
только «надо ли»? –
Чёрт его знает! Но время идёт.
Прямо скажем, не красит.
Но и мудростью – той, что с годами –
не похвастаться; в восемь пятнадцать
по московскому времени – рейс.
Я не знаю, но надо ж когда-то
порвать со «следами»
на траве, на бумаге, в «сердцах
и веках» – и сорвать эдельвейс!
Сколько было буффонства
и снобизмом прикрытого хамства!
Сколько было маразма
в камуфляже красивых цитат!
«Пять минут до отправки» –
в никуда, в нулевое пространство,
что не терпит следов,
и откуда, похоже, возврат
под вопросом; – но это
персонажа чужого шарада,
парадокс: притворимся,
что этого я не писал.
Не «не так» не бывает,
но пойми, мой хороший, так надо!

Извини, что без спросу;
что тайком улизнул на вокзал –
«не поставил в известность»:
на хрена обрывать у ромашки
лепестки, если знаешь,
что ответ исключает вопрос?
Если что-то «не так» – бритва, две сторублёвых бумажки,
Блок, билет – и вперёд! Чтоб тебе... –
одному из нас крепче спалось.

15.10.2009

***

Мой виноградник пахнет жостью
и ржавчиной; который год
балду пинаю по предместью.
А снег идет.
А снег идет.
И ржавый пурпур виноградин –
как жёлчь обманутых небес.
...Идет, не замечая впадин
и выемок, наперерез
кошмарным снам, бессонным бредам,
горячке, гневу, сам – как гнев,
как оборотень, свежим следом,
в мой бедный дом, в мой праздный хлев,
в бесчастье, ропот, злобный скрежет
зубов – но не твоя вина,
что он рукой чужою срежет
несеянные письма,
как плоть от плоти тех болот,
где боль становится точилом,
и снег идти перестает.

23.03.2012

ДОРОГА

О том, что малодушье – смертный грех;
о том, что смерть подстерегает всех,
куда бы ни вошел ты или вышел.
О том, как относиться к ней всерьёз,
как будто за тобой бегущий пёс –
всего лишь тень, но голос твой расслышал.

О том, дружок, что нет семи дорог,
о том, как неизбежно одинок,
кто словно поперечина в колёсах.
Лишь ты да я, а прочее – прими
как есть, и позабудь о всех семи:
она одна, как тень твоя, как посох.

Ты любишь, знаю, истины плести,
и здесь я не могу тебя спасти,
поскольку растранижил всё до нитки.
Как зайчик от оконного стекла,
тебе на плечи истина легла –
уймись, оставь бесплодные попытки: –

шнуруй потуже лапти: путь далек,
шагая по любой из тех дорог,
которых нет, и все-таки ты вправе
свой выбор, как котомку, пронести
и к финишу с неслышным «пропусти!»
прийти и всё как есть увидеть въяве.

03.05.2012

ЛЕСТНИЦА ИАКОВА

В небеса упирается лестница,
на земле атакует пролёт
околесица и гололедица,
и в ладонь, как сосульку, берёт,
и кружком заглядится оконное
(до небес продышал мальчуган) –
и склоняется личико сонное
ковылем на горбатый курган.
Мы взойдём, только мальчик-и-девочка,
в облаков недотрогу-нугу,
и не скажет никто, чье же дело, что
наши косточки – гроздь на снегу.
Что рябина, что ива, что ижица –
я к престолу тебя вознесу:
не беда, что со скрипом, но движется –
мы очнёмся в прозрачном лесу,
там, где лесенка в облако тычется
где по деткам расплакался дрозд;
обойми, Пресвятая Владычица,
белым кружевом пенным погост!
Там по травке, от сопочки к сопочке,
поставцы запорошил апрель,
и баранкой свернулся в коробочке,
в ноздреватой груди – коростель.
Ничего, что всё пропито-прожито:
есть у нас тростниковый трезвон,
оттого-то и тленье положено
четырёх на пороге сторон;
оттого-то и в люди не вывести,
и от стужи земной не спасти,

что по щиколотку ноги в извести
да рябиновый пепел в горсти.
Ни словечка не будет услышано,
не оборвано ни лепестка –
но стекло ледяное продышано
наизлёт, в небеса, в облака.
Мальчик, девочка, взялись-ка за-руки
и вперёд, по спирали пурги, –
и поёт-заливается зябликом,
отвечая на чьи-то шаги.
Глядь – уже и дорожка протоптана,
и крылатые хлопцы снуют
вниз и вверх – и застойная, теплая
покидает излюбленный пруд,
где мальчишки пускают кораблики:
меньше парус, ещё, и исчез,
и не ангелы – спелые яблоки
в облетающей кроне небес.

01.05.2012

СОМНЕНИЕ

«Когда бы всё закончилось лопатой
и заступом! Но вал встает девятый,
и гроб – не гроб, но утлая ладья:
возносится, кудрявый и крылатый,
в туманный полумрак небытия.

За ним летят невиданные твари –
и всё перекрывает запах гари
и жареной тухлятины...»

Ну вот
и отняли последнюю конфету!
И больно мне, что всё еще по эту,
и страшно переправиться на тот.

Так значит, Гамлет? – Даже если Йорик!
Настолько, говорят, последний горек
глоток: «еще чуть-чуть! на полвершка
небес, на горизонте – кромки леса!..
А вдруг и впрямь не встанем из-под пресса?!»
– Допустим, что... Боюсь, наверняка.

Май, 2012

ЗОДЧИЙ

За призраком звёздного дома –
такой же неприбранный дом.
Теснясь в берегах окоема,
он хочет на волю – внаём
бессрочно сдающийся случай,
счастливый ли, нет ли – тоска
упрямо волхвует над кучей
тягучего века-песка.
Из пены, и глины, и тины
на этом – земном – берегу
мы строим и сводим руины
в уютную арку-дугу:
быть может, заглянут дельфины
и все, перед кем я в долгу?
А мокрые эти крупницы –
как звёзды, как весь небосвод.
Ко мне собираются птицы,
когда позади перелёт,
и учат молчанью, и крику,
и ровной посадке крыла –
и прячу свои, как улику,
что всё на дорогу дала,
что всех подготовила, – я же
из мёртвых жуков и стрекоз
на полузаброшенном пляже
убежище строю – от слёз.
– От ливней и гроз! От капризов
погоды! - Нахмурились: блажь!

Для тех, кто не приняли вызов,
даны в утешение пляж
и слёзы. А звёзды – за кряжем,
за этой – не веришь? – грядой.
Все в глину когда-нибудь ляжем,
но кто-то – с попутной звездой.
И прочь улетают. И в гневе
своё рукоделье топчу.
Стемнело.
Неведомый в небе
Кому-то затеплил свечу...

20.11.2011

ПЕРЕБЕЖЧИК

По далекой тоска, по нездешней,
слабо теплящейся в душе,
по Отчизне как теплой скворечне,
по рассыпчатой жирной меже;
только шаг, только миг – отрешенно
от себя, от земли, от воды,
от струящейся вспять приглушенно,
убегающей в землю звезды –
и, находка твоя и потеря,
эта птичья глухая тоска
у последней оглянется двери:
ни воды под ногой, ни песка.

Не смущайся, но трогайся робко
по струне золотого луча,
не стяхнет исполинская сопка
тростникового леса с плеча,
многостволья дремучей свирели,
по которому, как по мосту,
я к невнятно мерцающей цели
сквозь невольничью шерсть прорасту.

Это будет итог, и разгадка,
и посул обновленных тенёт,
а сегодняшний – пей без остатка:
он вернется, без стука войдет
и хозяином сядет на лавке:
«Не тесна ль, с непривычки, изба?»
И тогда – о, не вскидывай лапки:
это бродит в точиле судьба,

это всходит, нездешней закваски,
на клюку опершись, материк –
сумасшедший, по чьей бы указке
он ни плыл, – только шаг, только миг,
и земля под ногами – как воздух,
тоньше воздуха, гуще тепла...
Это взгляд, заблудившийся в звездах –
всей тоской! – из земного угла.

20.11.2011

И ЗВЕЗДЫ ...

Нет, ни слова, ни звука, ни всплеска, —
это небо, не роща, не пруд,
это небо, как ветхая фреска —
столько света, а спичек не жгут.
Это всё, что, конечно, не вспомню,
даже если с собой унесу, —
в небо входят, как в каменоломню,
керосинку держа на весу.
Это небо, и редкие звезды,
даже реже, чем зубья гребня,
как уродливые наросты
на коре одинокого дня,
одичавшие эти погосты,
где, наверно, заждались меня.
Я люблю это стылое небо,
этот звездный серебряный мох,
снова день — удивляться нелепо —
на корню, как осина, иссох.
Я простер онемевшие руки
полумесяцу, полухребту:
в купола, как в надбровные дуги,
где, как летопись, жизнь перечту
и, ни строчки знакомой не встретив,
изготовлюсь — и с красной строки
поспешу бормотаньем согреть их,
не нащупав ответной руки.

14.11.2011

ОТХОЖЕЕ СЕРДЦЕ

Дарю тебе Брукнера, Мойку, Фонтанку,
Гомера, бессонницу, парус, лазурь
под ним и над ним. Собираюсь в загранку
В Америку. Как Свидригайлов. Понурь
строптивную чёлку. На четверть минутки.
И ждать оставайся урочной попутки.

Дарю тебе всё, чем богат был и беден:
каморку под крышей и рифму «любовь-
буровь». Извини, что бисквит недоеден
и что недопролита чёрная кровь.
Но это неважно. Тем паче – не нужно.
Давай и не-жить постараемся дружно.

Дарю фолианты, полотна, статуи
и в Летнем, и в Зимнем, и в нижнем, и без;
дарю марципановые поцелуи
застенчивых принцев и бледных принцесс.
Бери! знаменитые всё персонажи.
А нашей никто не заметит пропажи.

Составлена опись, реестрик, каталог.
К сему прилагаю. Себе же возьму
пяток прибауток да пару считалок,
да Твой неразборчивый очерк, Кому
я смог расточительный сделать подарок,
рванув Магометом к упряму-холму.

17.04.2009

МОЛЬ

Моль-однодневка, лоскутик ожившего ситца!
Хочешь, зажгу тебе лампу – помочь тебе слиться
с тенью, которая больше и шире в размахе?
Что ты забыла в чужом и пугающем мире?
– Вышла из тени и затанцевала на плахе.

Белая смертница! будем честны напоследок:
лампа – не света источник, а линия сгиба,
место разрыва, распада молекул и клеток,
тканей и красок; лети к неизбежному, ибо
жить некрасиво.

Милая грешница! тенью заполнив пространство:
броситься брюшком на пошлую смерть вполнакала,
ты, однодневка, обретшая право гражданства
в зоне блаженных, – беспомощно, вспыхнув, упала
мне на ладонь. И погасла в ладони.

03.03.2010

ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

Заросла дорожка к моей оградке.
Только солнце с ветром играют в прятки
в мертвецом откормленной лебеде.
Катафалк проедет с уловом свежим, –
мы усталые веки на миг размежим
и опять забудемся. Здесь, в воде,

пропитавшей грунт, как варенье – булку,
всех и снов, как высыпал на прогулку
безутешный сонм переживших нас.
Шелестят деревья, летают осы,
мы лежим, безносы и безволосы,
и шаги снаружи считаем: раз...

два... четыре... шесть... показалось... тихо.
Над крестом склоняется облепиха,
да грохочут по насыпи поезда.
Мы лежали год, пролежим и триста,
лишь бы сухо было, тепло и чисто –
да куда там!.. Всё холодной вода,

всё грязней, журчащая в наших венах.
Мы гнием в шести деревянных стенах,
мы забыли, как выглядит свет, и как
пахнет клевер над нашими головами;
мы не слышим и ждать перестали сами
вновь услышать ваш милый смущенный шаг
17.10.2008

ЗАКЛИНАНИЕ

Я вернусь к тебе ветром в кирпичной щели,
я вернусь к тебе пригоршней кислой земли –
щекотать и слюнявить ржаное подчревьё.
Я вернусь к тебе певчим морозным ключом.
я вернусь к тебе солнечным пыльным лучом,
просочившимся сквозь облака и деревья.

Спеленай меня в дудку, цевницу, свирель:
я взъерошу на мшелом пригорке сирень
и всем пчёлам кувшинки пылью перемажу!
Я вернусь к тебе звонкой зуделкой дождя –
об одном попрошу: не забудь, восходя
по ступенькам, стереть с переносицы сажу.

Я люблю тебя снова, вчера и всегда, –
не забудь, доверяясь ладоням пруда,
камышину сорвать или срезать – исполнишь?
Я вернусь телеграммой с угрюмой каймой,
но вернусь!!! – в меховые ладони, домой,
на колени, и вверх по... – но помнишь ты, помнишь!

Или примус остыл, и цветок голубой
над конфоркой гундосит мохнатой губой
о «каких там свирелях?! джакузи – и в койку!»
И тогда я вернусь – одичавшей грозой,
давшей волю трехтысячевольтной борзой –
целой своре! – прорвать, как плотину, надстройку

и пробиться к корням: всё нежней, всё ржаней,
и уже не сдержат ошалевших коней,
и счастливей тебя и меня... – Выйди, кликни –
на просторы любых социальных сетей –
чингачгукский свой клич! –
Загрусти, опустей
и опять в непросеянный пепел поникни.

20.10.2011

***

О, милое сонное братство!
О, братство надежд и потерь!
Тебе покорилося пространство,
открылась запретная дверь.
И мы просочились украдкой
в былых предвкушенье утрат.
Грядущее стало разгадкой,
и ты оттолкнул меня, брат.
Но сонному братству не верю
и строгой сестры не корю:
я цепко держусь за потерю
всего, чем еще говорю.
Проклятое милое братство,
растрёпанных заговор звёзд!
Мой труп заверните в пространство
во весь человеческий рост.
Мой прах заверните в рогожу
грядущих в былое времен, –
и я, умножая, умножу
Твой непоправимый урон.

06.11.2011

PERPETUUM MOBILE

Раздевалка. Спортзал. Или не было детства и школы:
было снежное поле, и воздух морозный, ночной?
И над белой равниной – рыдающий звук радиолы.
И седой алконавт на почётном посту в проходной.
Разворот – и опять: коробок пропотевшей уборной,
где красавцы-гимнасты по кругу смолят «Беломор».
Или – белая гладь, и над пьяной душой беспризорной
наклоняется, обнял, целует, включает повтор...
Погоди, это вздор!.. бесконечный забор... белоснежный
переход из вонючей уборной в конторскую клеть.
Умудренный годами алкаш утешает: «Сердешный,
выпей, ну!... Там, глядишь, и позволят стереть.»

14.09.2009

САД

Калитка скрипит, и сливово-сиреневый сад
впускает меня, обнимает, целует, щекочет
и ласково, но неразборчиво что-то бормочет,
щебечет – приземист, всклокочен, сутул, глуховат.

И я прохожу по извилистым скользким дорожкам
в дощатый сарай – эту виллу советских времён.
Но кончится лето, и небо с алмазным горошком
брезгливо возьмут за углы и скатают в рулон.

И вместо солёного пота, геройства и чванства
пацаньего: сила, сноровка, смекалка, успех
у девочек, – сплюснутый кубик жилого пространства,
ужастики, грёзы, невроз, изнурительный грех.

Нежданные взлёты, паденья, – а стёжка всё уже,
кустарник всё глуше, всё меньше сирени и звёзд,
и снится всё реже, как ты всё идёшь по тому же
мосту, и дрожишь, и не веришь, что кончится мост.

24.09.2009

НЕ Я ЖИВУ...

Не я живу – во мне живет земля,
шевелиятся древесные корни
и тёплый шерстяной живот шмеля;
во мне живут немые поколения,

и дышат мной, и мною говорят.
земля растёт, земля рождает злаки,
и стискивает щупальцами взгляд
начальный мрак, и слышу зов во мраке,
и следую зовущему – назад,

в земную глубь... я – корень или крона?
и тень моя - не слепок ли с теней
преджизненных? вернись, беглянка, в лоно,
в ночи беззвучной, плоть, окостеней!

16.06.2008

НА ДЕНЬ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Есть у меня пирог на тридцать пять свечей,
и ветер, чтоб задуть: сквозняк, старик-астматик;
и, вписанный в двора асфальтовый квадратик,
гость – силуэт, я сам, чужой себе, ничей.

Я буду много пить, и снова пить и спать,
и, чокаясь с собой, припомню всё, что прежде
и нынче; а пирог на ровно тридцать пять,
чтоб в каждом – по свече, пожалуйста, разрежьте.

И можно приступать; я – только шов и шрам
меж тридцатью пятью, я – линия разрыва,
бесплатный силуэт, навывнос, по дворам,
по клеткам лестничным – настырно, неучтиво,

но всюду – аноним; а если слепок – Твой,
мой нежный, мой родной, не молвивший ни слова,
не глянувший и вскользь!.. Не мальчик, не впервой,
отламываю, пью и наливаю снова.

15.09. 2009

СТРЕЛКА

Стрелка бежит по кругу, бежит по кругу,
видя одни и те же, одни и те же
цифры, насечки, деления. Мы друг другу
в круп упираемся, как рысаки в манеже.
Стрелка бежит по кругу, бежит как стая
волчья – за собственной тенью на циферблате;
кружится, как сумасшедшая по палате,
вечно сбиваясь и снова – шаги считая.

12.11.2011

КАК Я СТАЛ СОБАКОЙ

Сначала я прочно встал на свои четыре.
Сомкнулись ряды и забыли о дезертире.
Потом появился пушок, а за ним и шерсть;
и слово одно в лексиконе осталось: «жесть» —
но больше похоже на «тяф!», если ещё на что-то
похоже; но, Боже, впервые так жить охота,
и жрать, и пить из канав!

Есть запахи злые и добрые ароматы.
Собратья мои шелудивы и вороваты,
и только мне не забыть, кем я был вчера.
Меня обижает проклятая детвора,
но кормит одна карга, дай Господь ей тыщу
лет жизни: нисходит с небес к моему гнойщу;
я вижу, впрочем, и в ней врага.

Могу укусить, но обычно хвостом виляю
и руки лижу; прихрамывая, ковыляю
от свалки к помойке: люблю суповой набор.
Особенно мне один приглянулся двор...
Там есть сорванец — голенастый такой брюнетик...
Ночами на месяц вою - на анальгетик
собачьих сердец.

Февраль, 2010

ГИШПАНСКИЙ ДНЕВНИК

Мы возвели воздушные дворцы,
мы насадили облачные скверы,
а сами взобрались на пьедесталы,
в коротеньких штанишках детвора.
В карманах оплывают леденцы,
прохожие ругаются: «нахалы!»:
им невдомек, что мы всегда вчера;
что нашей веры,

надежды и любви хватило лишь
на чахлую ромашковую грядку
перед болваном бронзовым в саду.
Мелькали дни, пилотки, горны, флаги,
и было пофиг, встал ты или спишь,
бухаешь или делаешь зарядку,
ведь для того в седле мы и при шпаге,
а ты – в ряду,

чтоб тем великодушной с пьедестала
швырнуть тебе все царства и дворцы!
Смеешься: мне достаточно гитары! –
кино, скамейка, сердце и стрела...
Ты прав. Да и Фортуна освистала.
Поможешь слезть? Возьми хоть леденцы!
Как хочешь.
И крадутся санитары
из-за угла.

09.02.2012

ПУТНИК

Город оставь за спиной. С выхлопной пургой,
шинной додекафонией. Путь свободен,
гулок и пуст. Самый близкий и дорогой
человек тебе – ты. Ни домов, ни родин,
ни семьи, ни любви. Покой.

И движенье – куда глаза глядят, на закат,
прочь от дымного города, дома, семьи, комфорта,
от надежды, любви и веры... Хмуро молчат
верстовые столбы. Это вроде большого спорта.
Только сам ты – снаряд.

Не оглядывайся. Самый близкий, самый родной
через месяц начнёт обходить тебя стороной,
не подавая виду, что было что-то.
Ты ускорил шаги. За твоей спиной
запирают ворота.

07.03.2010

ПЛАЦКАРТА

Остановите сердце! Я проскочил вокзал
провинциальный – так, крохотный полустанок...
Пьяный прапорщик сало шайбами нарезал,
двое пейзажисты лакали беленькую из банок.

Остановите сердце! – Прапор рванул стоп-кран –
декоративный, впрочем... Как ни в чем не бывало,
водку хлестали двое бравых дедов-пейзан;
прапорщик, ухмыляясь, шайбами резал сало.

21.09.2010

***

Я задремал. Ты плакала над гробом.
С чего бы это? я не навсегда.
Мой мозг и сердце съедены микробом,
а в артериях – зловонная вода,

но я живой! я лишь заснул. Не стоит
сутулиться и всхлипывать в платок.
И для кого верзила этот роет
могилу? Почернел я и размок,

но это от усталости. С восходом
я буду снова весел, бодр и свеж.
Не плачь! Я сплю – всё крепче с каждым годом,
и вижу сны – увы, одни и те ж.

02.10.2008

РАЗГОВОР

Здесь сон и тишина. И больше ничего не надо ведь, малыш. Заходишь – и довольно. Кого-нибудь нашел? замучаешься сольно чирикать-щебетать. Уж лучше хором. Во

мне музыка давно умолкла. Я не слишком расстроен. Как-никак, покой и тишина. А если иногда взгрустнется, то по книжкам. Ты не распродал их? А впрочем, на хрена

мне этот хлам? а ты предпочитаешь телик. «Улисса», говоришь, осилил? Ну, ты крут. Прости за болтовню. Госкливей от недели к неделе. Правда, сон и тишина. И жрут

жуки... Прости. Шучу. Конечно, одиноко. Припёрлись бы вдвоем; ну, поревную, ну, позлюсь... Тошней всего, дружок, что подоплёка всего... Я разлюбил покой и тишину.

16.10.2008

ЧЕРНЫЙ МАРШ

Роса набирается в складки льна,
щекочет мне потроха.
Давно обратилась в труху сосна: –
дай лапу, сестра-ольха!
Мышь хочет, бедняжка, родить слона –
а значит, обречена.

Вперёд, мой юный глупыш-горнист!
Боишься, что путь тернист?
Не бойся! к губам приложи латунь:
вперёд! это НАШ июнь!

В прорехи выглядывает костяк,
недоумевая: «жив!»
Прикольно! Выходит, Ничто – пустяк,
соломой набитый миф?.. –
С шеста ещё рвётся истлевший флаг
во мрак. Умирает знак.

Вперёд, барабанщик, глупыш, школяр,
проматывать божий дар! –
за сколько-то тысяч ночей и дней –
один – и посолоней!
Не бойся! К губам приложи латунь:
вперёд! это НАШ июнь!

Взбивая костяшками слякоть в мусс,
по грудь окунаясь в грязь,
я, кажется, начал входить во вкус:
шагать вперёд, матерясь,
отплёвываясь... Потерпи: вернусь –
попозже... Эй, карапуз,

ВПЕРЕД!..

28.01.2010

ПОСЛЕДНИЙ ДОЖДЬ

Еще не вечер. Лица – навсегда.
Еще лопочет затхлая вода,
сбегая по ступеням бородатым.
Еще шуршит опавшая листва,
еще не раззнакомились слова,
еще грохочут желуди по скатам.

Но дождь идет. И лица – все мутней.
И вереница календарных дней
дымится во дворе, у ржавых баков.
И баба Маня, с вечера пьяна,
последние сгребает ордена
с торцов. А дождь повсюду одинаков.

И все уподобляются ему:
позволь, на память с варева сниму
последнюю малиновую пенку.
Ты отстранился – нет, не ты, другой,
но слушай, если флейта под рукой,
чего хандрить и биться лбом об стенку?

Еще светло, всех можно перечесть
по именам... Колотится о жечь,
грохочет батальон дубовых шишек.
И головни чадящего костра
подмигивают, кажется: «Пора
уснуть, забыться, выплеснуть излишек...»

22.11.2011

ЮДЖИНУ

Не окликаю, незачем: на звук
слетится мошкара и потревожит
спокойный сон всеильных этих рук,
уже обросших перьями, быть может.

Как листьями. Туманом, и дождем,
и ветром облюбованная крона –
и ты изобличен и сопричтен
к пернатым, их полку, их легиона.

Я различаю голоса, но лиц
не разглядеть – так пасмурно и дымно.
И мы с тобой сродни одной из птиц,
одной из сих, безмолвствующих дивно.

14.11.2011

Освобождённый Северин

Д и о н и с
... Сюда пришёл я за поэтом.
Е в р и п и д
Для чего?
Д и о н и с
Чтоб город был спасён и правил праздники.
Того из вас, кто городу совет подаст
Мудрейший, поведу с собой на землю я.

Аристофан, «Лягушки»

Поэты живут рядом с нами, среди нас. Пока жив поэт – его не ценим. Мы всё ждём от него чего-то новенького. Мы расточительны и небрежны. А куда он денется? Пиши, поэт. И вдруг его не стало... И нет Диониса и некому поэта возвратить на землю. Но, слава Богу, остаются его стихи, его строки и строфы. И мы начинаем бегать и суетиться в поисках его книг, журнальных публикаций...

Прошло уже три года, как нет Андрея Александровича Анипко (15.09.1976 – 08.07.2012). Сам ушёл, а нам оставил маски Арсения Северина и Йордана Кейна. Были ещё Андрей Небко, Андрей Савельев... Под любым псевдонимом, под любой маской можно распознать русского поэта. А может это вовсе и не маски, а некие перевоплощения то ли в Йордана Арсеньевича Кейна-Северина, то ли в Андрея Андреевича Савельева-Небко?

Те из мурманчан, кто следит за местной поэзией, наверное, заметили, как на чёрном северном лирическом небосклоне (к сожалению, все же «склоне» – по-северински безысходно и трагически) промелькнула (версификнула) поэтическая звезда Арсения Северина оставив на нём лёгкий искрящийся след под названием «Увертюра» (2002). Смешной тираж этой книжечки стихотворений (300 экземпляров) очень быстро сделал её библиографической редкостью даже в Мурманске. Не всем, увлекающимся поэзией мурманчанам, Арсений Северин стал известен. А столичные почитатели, за исключением отдельных счастливых, тем более остались за бортом. Им «Увертюра» неизвестна.

Книжка – взрыв. Книжка – эпатаж. Именно такой она задумывалась. А начиналось всё как обычно. В 2002 году, в конце весны не помню точно, в издательство пришёл ещё один автор – Андрей. Он

пришёл к нам скромный, иногда робкий, иногда театральный. Говорили и не раз. Он приходил – уходил, но навязчивым не был. А потом принёс стихи. Четыре толстые папки – белые, бумажные, на завязках. Чем дальше читал, тем больше нравилось. Не всё, конечно, нравилось, что-то не понимал, что-то до меня не доходило, но были такие стихотворения, что просто... Это была поэзия!

Пришло время и надо было принимать решение, а оно единственное – издавать, но что именно? Ресурсы издательства скудные, объём и тираж мизерные. Что втиснуть в первую книжечку стихов поэта? А коммерческий успех? Скорее Сириус погаснет, чем дождёшься прибыли от продажи сборника стихов... неизвестного автора.

Одним словом, всё передали в руки автора – сам написал, сам и составляй. Правда, были беседы о лирике, о пейзажных зарисовках, о Мурманске, всё ещё мало воспетом, о Лапландии и Похьяле, о саамах, поморах и викингах – обо всём том, о чём болит сердце краеведа. Но если бы пошли путём торным, то всё равно не видать Андрею премии областной литературной. Оценили бы, покритиковали бы (есть за что), но и позавидовали бы. И есть чему завидовать. Андрей, как теперь выясняется, первый по-настоящему мурманский поэт – по рождению и смерти. Как минимум. А по таланту – время рассудит.

Настаивал, поддерживал Андрея в желании взорвать мурманский поэтический небосклон стихами особыми да переводами шекспировскими. Кстати, о Шекспире, точнее, его переводах, которые сделал Андрей, – это тема отдельного разговора. Из сорока двух стихотворений сборника «Увертюра» – девятнадцать переводы Шекспира плюс одна шекспировская версификация. Трудно судить о ценности этих переводов, пусть по этому поводу ломают копья шекспироведы, но о шекспировской версификации следует упомянуть. Это так называемый 155-й сонет, которого у Шекспира нет, а «перевод» уже опубликован. Это лирическое переживание поэтом своего труда, которому, как написал автор, «Учёные разборы не нужны / Там, где любовь мерило новизны» (Северин, 2002. С. 40).

Предупреждал – трудно будет, не поймут, осуждать начнут и за некро- , и за гомо- ... Но он решительный. Всё ли он понимал, всё ли правильно оценивал – сам составил свой сборник, сам написал предисловие, а издатель не стал сопротивляться. Чему быть – того не миновать. Труднее всего было Василию – это художник поэтического сборника. Василий Рябков – сам хороший поэт, прозаик, тонкий юморист,

сценарист, активный участник исторических реконструкций, категорически не одобряющий и не поддерживающий тему гомоэротики. Но тем не менее, его оценка таланта А. Анипко – в рисунках, в оформлении книжки. Не подвёл, принял нового поэта.

Тема однополой любви в истории литературы не нова. От Сапфо Митиленской до Михаила Алексеевича Кузмина (впервые воспевшем гомосексуальные отношения в русской литературе) – океан времени и монблан томов поэзии. Но сколько бы ни писали, сколько бы ни воспевали, тема эта остаётся неоднозначной. И Андрей попробовал себя в этой теме. На этой зыбкой почве он ведёт себя безупречно. Его спасение, в стихах по этой теме, в остроумии. Остроумие – это привилегия поэтов, но не всех. Слово у поэта – это не только средство выражения мысли и чувств, но и материал для игры, а без этого нет поэзии и нет поэта. Прочтите ещё раз подражание Гейне «№ 19. Баллада о первой любви» (Северин, 2002. С. 23-24). Остроумие предполагает двойной смысл. Но как быть при использовании однозначных русских слов? Нужны повторы, пояснения, объяснения. А, может быть, и пейоративное преобразование слова.

Андрей выдумщик другой жизни, создатель иных миров. Возможно, это результат его увлечения и профессионального изучения иностранных языков. Не зря он писал в предисловии, что «... интенсивно занимался ... изучением древних и новых европейских языков и литератур» (Северин, 2002. С4). Не имея реального опыта, он виртуально-поэтически проживет жизнь то некрофила, то гея. Версификатор. Только любопытство и юмор молодого человека позволяют Андрею виртуально проживать жизнь своего персонажа. Автор, не играючи, а серьёзно исполняя роль, или, надев очередную маску, может в нескольких строфах прожить виртуальную жизнь некрофила, получить срок и, приподняв маску, улыбнуться и подмигнуть читателю, сказав: «Но на память я косточку спрятал / От мизинца с левой ноги» (Северин, 2002. С. 24). Что это если не остроумие или просто чёрный юмор, присущий молодёжной среде?

В то время, когда готовился сборник «Увертюра», Андрей предстал в образе Арсения Северина. Представлял себя версификатором. И это было честно. Версификация – это только скольжение по поверхности, а не проникновение вглубь. Язык в одной из искони своих форм – поэзии - растёт и развивается не вширь, а вглубь. Но и в версификации есть уровень искусства. И у каждого мастера он свой. По

моему мнению, Северин на одной плоскости с пуринопурсовской поэзией, хотя «Апокрифы Феогнида» пока превзойти не удалось никому. Это утверждение обеспечено талантом Алексея Арнольдовича Пурина – коренного ленинградца и выдающегося поэта современности.

Однако мастерство Андрея Анипко было оценено, и поэт под личиной Андрея Савельева был удостоен публикации в одном «странном», «необычном» журнале в 2008 году. Эта подборка кадетских сонетов не лучшее из творений Андрея, есть к его труду и вопросы, и замечания, и пожелания, и чтобы Тумана побольше напустил, и флёром стыдливости что ли подёрнул бы... Но всё же это была заявка в этой непростой теме. А впрочем, стоит согласиться с А. Пуриным «... во всяком слове спит Эрот».

Заканчивая рассказ об Андрее в период, когда он сотрудничал с Мурманским книжным издательством, стоит вспомнить его работу переводчика. Андрей был безотказным, брался за то, что ему поручали, и результат получался отменный. По заданию издательства он выполнял сравнительный перевод со шведского «Лаппонии» (1673) Иоганна Шеффера – первого труда по лаппонистике. Параллельно с этой работой для журнала «Наука и бизнес на Мурмане» он перевёл на русский язык гимн саамского народа Исака Сабы. Может быть, с этого стихотворения началась лапландская тема в творчестве Андрея, а, может быть, его перевод был достойным продолжением выражения любви к своей родине. Публикация его перевода в этом журнале давно стала библиографической редкостью. Представляется хороший случай воспроизвести в этом сборнике перевод А. Анипко «Песни саамского народа» Исака Сабы, опубликованный в журнале «Наука и бизнес на Мурмане» № 4 за 2003 год (НБМ, 2003. С. 5).

ПЕСНЬ СААМСКОГО НАРОДА

Под созвездием Медведиц
видишь ты страну саамов:
горы в дымке голубеют,
расстилаются озёра,
гор скалистые вершины
воздымаются до неба;
ручеек в лесу лепечет,
серой сталью блещут мысы,
к океану путь стремя.

Здесь свирепствуют морозы,
здесь порошей крутят ветры:
всё же любит род саамов
эту землю всей душою:
свет Луны – в пути отрада,
в небе сполохи играют,
бьют копытами олени,
вдоль озёр и по равнинам
сани резвые скользят.

Победили наши предки
встарь властителей беспечных:
так и мы давайте ж, братья,
с угнетением бороться!
Солнца сонм сынов могучих!
нежный свой язык хранишь ты,
помнишь подвиги героев;
для саамов – отчий край!

С тех пор, когда Андрей сотрудничал с Мурманским книжным издательством, прошло менее десяти лет. За это время Андрей сменил маску Арсения Северина на другие. В роли Северина Андрей показал себя одним из «... виртуознейших российских версификаторов начавшегося столетия» (Северин, 2002. С. 3). Он постарался полностью отказаться от той роли, которую играл в Мурманске в самом начале тысячелетия и несколько раз перевоплощался в других персонажей. Попробуем понять, что заставляло его примерять различные маски или исполнять роли разнообразные. Для этого есть отличная возможность – сборник стихотворений «Флейта», состоящий из трёх частей. Сборник мал и не позволяет судить о его творческом диапазоне в полной мере. Но эта подборка стихотворений даёт возможность понять, в каких сферах обитало сознание поэта, о какие точильные камни оттачивались грани его таланта. Мощным фундаментом творчества Андрея, его версификаций и переводов является знание поэтом ряда европейских языков. Версификации Андрея мы уже рассматривали, а вот поэтические идеи, которые прямо или косвенно оказывали влияние на Андрея, благодаря которым он играл разные роли, узнать было бы интересно. Кто бы не оказывал влияния на творчество Андрея, о какие бы идеи не оттачивал грани своего таланта поэт, нам видится один очень важный результат, который проявлен в сборнике «Флейта». Андрей снял с себя маску Арсения Северина для того, чтобы надеть новые. Однако важно заметить, что именно в этот период произошло на его освобождение от роли

Северина. И хотя во «Флейте» ещё есть стихотворения, написанные в период ролевой игры в Арсения Северина, – это уже не Северин, а Анипко. Освобождение от Северина случилось ещё в Мурманске, возможно, вскоре после выхода в свет «Увертюры», но игра продолжалась.

Если предположить, что многие произведения Андрея проходят через своеобразную гносеологическую призму или, уточним, преломляются через формулу «смерть и любовь», то можно предположить во-первых, что некоторые идейные сюжеты поэт берёт из древнегреческой литературы, в частности, у Аристофана, что объясняет использование эпитафии из «Лягушек». Во-вторых, проясняется один из древнейших, как сама Древняя Греция, источник вдохновения, побуждающий изучать это возвышенное и в то же время жуткое соотношение «смерть и любовь» – Эллинская мифология.

Обратите внимание, сколько древнегреческих образов витает в стихах Андрея. Это и Аполлон, и Геката, и Муза, и вакхи, и ветер – непременно борей, и амфоры – эвксинские, хотя почти аксинская (негостеприимная) «Ледяная ладонь заполярной Латоны» и «стынет Мурманск». И это не просто эллинские образы, которые прошли через горнило смерти и любви. Это имена богов, которые, как реперные точки, которых только коснись – и раскрываются мифы и вся глубина древнегреческой мифологии. В этом видится, предположительно, дуновение творчества Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) и безусловное влияние забытого русского поэта Серебряного века Александра Алексеевича Кондратьева (1876–1967) – автора мифологических стилизаций и реконструкций.

Возьмём для сравнения стихотворение А. А. Кондратьева, написанное в декабре 1909 года, «Я сложил у Кипридиных ног...» (Кондратьев, 2001. С. 178) и стихотворение Андрея «Неужели ты будешь последним...» (С. 40). Здесь можно говорить только о том, как старший собрат навевал тональность, имитируя эллинскую поэзию, а Андрей принял этот посыл и воспел Мурманск в древнегреческом стиле, точнее, с использованием древнегреческих образов, привлекая богов Эллады. Насколько известно, и у Кондратьева, и у Андрея, но не будем настаивать на окончательном вердикте, эти стихотворения единственные, где одновременно упомянуты в таком сочетании: и бог Аполлон, и его мать Латона, да ещё и в устойчивом сочетании дитя и матери. Используя эвфемизм Аполлона – Мусaget, у Кондратьева – Музaget, в стихотворении Андрея Мусaget еще не рождён, но присутствует, и т.к бог

ещё не явлен на свет, то Гимн родному городу только затеплился? На этом заканчивается сходства двух поэтов. И Андрей, согревая своим дыханием, своим сознанием, пытается сложить гимн Мурманску, сравнивая его с каплей стынувшего мёда «...на дне свирели штормовой...». В этом загадочном стихотворении присутствует и образ самого автора, который предрекает себе безысходность, и мрачное погружение... за удачную попытку разбить хрусталь забвенья, за что «...костлявая рука/ ему густой протягивает гребень...»

Андрею мало мифологии древних греков, ею трудно согреть Кольский край, ему на помощь приходит поэзия скальдов. Скорей всего, ею тоже не согреешь, но можно воспеть родной город, родной край. «Поморская природа...» и викинги также присутствуют в поэтическом творчестве Андрея. Их тени мелькают тут и там – «пернатые скальды», «поседевшие в походах варяги». Автор виртуозно владеет некоторыми техническими элементами скальдической поэзии, что мы и попробуем доказать.

Возьмём, к примеру, ноктюрн № 1, написанный, если не ошибаемся, анапестом.

Под ногами песочатся рифмы, –
Нагибаюсь, хватаю, роняю,
А Луны потускневшая гривна –
Пена грив над морскими конями.

Эти звучнокопытные кони –
Белой грудью о груды утёсов, –
И снежинкой слезится в ладони
Ассонанса алмазное просо.

Эти два классические четверостишия очень похожи на скальдическую вису (форма стихотворения, заклинания), если приблизить эти четверостишия (хельминги) друг к другу. Получаются восемь строк, а это станс (строфа, состоящая из восьми строк, в данном случае, и законченная по смыслу) дротткветта. Дротткветт – это разновидность скальдического размера стихотворения. Звучит это слово «дротткветт», словно бородастый бродекс (боевой топор) скользнул по щиту, как удар меча о шлем... Но это не он, не дротткветт. В этом «дружинном размере» должно быть шесть слогов, не будем уточняться где и какие ударные и т.д. В этом стихотворении некоторые строки состоят из восьми слогов, но это не восьмисложный стихотворный размер – хрюнхент.

Однако переводчикам скальдической поэзии не всегда удавалось держаться в рамках шести слогов дротткветта, выскакивали и на семь, и на восемь... Да, таковы сложности перевода и особенности русского языка. Андрей не стремился придерживаться всех правил дротткветта. Его ноктюрн не претендует на использование и другого размера стихосложения – рунхента (единственный скальдический размер с конечной рифмой и использованием аллитерации), потому что Андрей не использует ни двух-, ни трёх-, ни четырёхтактного приёма, надлежащего для рунхента, хотя присутствуют концевые женские рифмы и аллитерация. От квиндухатта, это ещё один скальдический размер, в этом произведении лишь принцип свободной, а не регламентированной аллитерации. Но давайте посмотрим, как ему удалось придерживаться строго и не очень других признаков дротткветта.

В нечетных строках можно обнаружить элементы скотхендинга. Хендинги – это, упрощенно, внутренние рифмы. Скотхендинг – это внутренние морфемные рифмы нечётных строк стихотворения. Обратим внимание как близок подбор согласных в концевых словах «рифмы – гривна»: естественно «р – р», глухой и звонкий «ф – в», созвучный «м – н» и как полагается разными гласными на конце слов «ы - а». В четных строках отчётливо виден адальхендинг – рифмовка схожих слогов «ро-ня» – «ко-ня» с ударным «я» в концевых словах «роняю – конями». К сожалению, эти принципы мы находим только в первой части этой неправильной висы.

Не удаётся Андрею поддержать принцип аллитерации во второй строке, что не страшно, т.к. он использует другой приём. Не буду настаивать, что это стопроцентный хендинг, но мощные ударные слоги «баю», «таю», «няю» показывают присутствие внутренней рифмы. Всего три слова в строке. Однако с позиции анализа силлабо-тонического стиха короткая строка в просодическом времени увеличивается, точнее, удлиняется и поэтому становится певучей. И тут же, начиная с третьей строки, как бы спохватившись, стараясь оглушить читателя, он начинает громыхать нам и греметь, и грузить, и «гриветь»... Это если не аллитерация, то литературный консонанс – повтор одинаковым согласных, только в начале слова – «гривна» в третьей строке, «грив» в четвертой. А в шестой, как и требуется для одной строки, грудью о груды» – «гр», да «гр». В конце висы Андрей использует принципы дротткветта – и аллитерацию, и ассонанс: «И снежинкой слезится в ладони / Ассонанса алмазное просо». Вот они аллитерированные «с-ж-с-з-с» в «... снежинкой слезится...» и «сс-с-з-с» в последней строке «...Ассонанса алмазное

просо...»), и аллитерированный мостик между строк «л-л» в словах «в ладони – алмазное». В последней строке поэт прямо так и говорит – внимание – ассонанс! Пять гласных «а», из них две ударные, четыре «о», с нарастанием в последнем слове висы и для рифмы.

Но и это не всё. У Андрея, если и есть нордическая тональность в стихотворениях, то только по форме она чем-то напоминает скальдскую, а по содержанию, конечно же, эддическую. По сути, это произведение Андрея, ноктюрн № 1, возвышается до уровня эддической поэзии, хотя бы тем, что в нём отчетливо виден автор, слышен его голос и вложен поэтический смысл.

Именно использование этого поэтического феномена – его величества кеннинга – делает этот ноктюрн возвышенным, метафоричным и в высшей степени поэтичным произведением. Для поэзии скальдов кеннинг, как особая разновидность метафор, явление обыденное – от примитивного «палка битвы» (меч) и замысловатого «кольцедробителя» (конунга) до зашифрованных в четырёх или даже шести словах имен божеств викингов. Но следует заметить, что не каждая подлинная виса содержит кеннинги. В нашем случае, хоть автор и не выдерживает всех принципов дротткветта, но именно это произведение изобилует кеннингом.

С одной стороны, кеннинг – утверждает автора висы в ранге скальда, с другой – образный строй метафор подчёркивает русский характер поэта. Например, лирическое сравнение «...Луны потускневшая грива...» с лунным месяцем; затем сразу следует «Пена грив над морскими конями» – смелое сравнение с барашками на морских волнах. И снова, с утроенной силой, продолжая погружать читателя в эддическую поэзию, предлагает на наш суд истинный кеннинг – «...звучно-копытные кони...». Можно предположить, что это не что-нибудь, а шум прибоя! И в заключение любопытное сравнение застывающих капель воды с «...алмазным просо». А любопытным оно представляется по той причине, что в этом сравнении почудилась блистательная в своём драгоценном сиянии улыбка Торквата Тассо, но об этом чуть позже.

Обратим внимание на другие эддические произведения Андрея. Например, на стихотворение «таких озёр – ни у кого на свете...»), очень похожее на флокк. Флокк – это форма хвалебной песни, состоящей из цикла вис и отличающейся от драпы отсутствием строгого деления на отдельные разделы, соединённые стевом (рефрен или припев). Живи, Андрей, в веке десятом, за этот флокк скальда могли бы казнить. Это самый натуральный современный флокк, состоящий из трёх вис (это,

пожалуй, единственный критерий, что приближает это стихотворение по форме к поэзии викингов, но если сильно хочется, то можно разглядеть...). Блестящая прорисовка образов в деталях, безупречное и сочное создание настроения. А как подана тема: «...ударь по струнам рек алмазным плектром...» и «шахматного неба шевелюр», и юность, любовь и занозы, и «город-гостиница». За одно только «... солнце абрикосовым сиропом...» его бы привязали к столбу, вбитому на самом низком уровне отливной полосы, как раз в том самом месте, где «...в горлышко залива/ вливается неистовая Кола...» в ожидании полного прилива... Его казнили бы лишь за то, что такому шикарному произведению была предана скальдом форма флокка. Добавь он пару стемов и получилась бы превосходная драпа! Но слава Богу – век XXI и форма этих четверостиший вполне устраивает меня и не только. Главное, Андрей смог уловить в этом стихотворений ритм Севера по форме, а по сути – мурманский дух.

Однако оставим скандинавскую тему в формах стихотворных подач и переключимся на другую тему. Для плавности перехода Андрей делает нам реверанс в стихотворении «Небо смято грубой рукавицей...». В нём слышится и скальдический хейти – приём поэтического иносказания, основанного на метафорических ассоциациях, и локализация из «Освобождённого Иерусалима» Т. Тассо: «... заполярная Палестина...», чем не хейти Мурманана?

Алмазы! Сколько их, точнее, образов алмазов, в произведениях поэта! Причём заметьте, не бриллианты, а алмазы. В стихотворениях Андрея трудно встретить или там почти нет образов других драгоценных камней - рубинов, сапфиров и изумрудов, агаты и малахиты не в счёт. Образ алмаза – сколько угодно. Это и «алмазный плектр», и «алмазное просо», и «алмазный полоз залива», и «алмазные мухи». Но кто ему подсказал, где он нашёл этот блестящий образ? Смеем предположить - у великого Тассо! Андрей лишь раз проговорился об этом в девятом ноктюрне «... коль не прыткостью пера, / то кандалами буду сходен с Тассо». От себя можно добавить и образами алмазов Андрей сравним с Торквато Тассо (1544–1595) – выдающимся итальянским поэтом, автором рыцарской поэмы «Освобождённый Иерусалим», которая доступна в переводе В. С. Лихачёва 1910 года. Поэма эта, написанная октавами (восьмистишиями, хотя форма вис и здесь просматривается), представляет собой достаточно большое произведение, состоящее из 20 песен, объём каждой из них колеблется от более чем 80 до более 130 октав. Поэма посвящена Первому крестовому походу христиан (1096-1099), в

ходе которого был взят, точнее, освобождён от мусульман, Иерусалим и основано первое христианское королевство на Ближнем Востоке.

Но теперь вернёмся к образам алмазов в поэме Тассо (Тассо, 1910). «Среди оружия всякого там щит / Сверкает из чистейшего алмаза» (Песня Седьмая 82 октава (7-82)); «На этот раз меч достигает шлема, / Но шлем непроницаем, как алмаз» (7-88); «Из них зовет Предвечный Михаила / В алмазных, искры мечущих доспехах» (9-58); «... чье сердце / Оковано тройной броней алмазной» (13-23); «...Ночная пелена / Взвивается, вся влажная от пара, / И каплями алмазными на землю / Роса обратно падает...» (14-1); «...это сердце, / По твердости подобное алмазу» (14-67); «Явитесь перед ним без замедленья / И покажите щит ему алмазный» (14-77); «Межтем Убальд, приблизившись к Ринальду, / Показывает щит ему алмазный» (16-30); «Как тело, так и сердце у него / В алмазную броню одето, верно...» (20-66). Справедливости ради, следует сказать, что Тассо жалуется и другие драгоценные камни, но использует их образы не для сравнения, как образ алмаза, а только лишь перечисляет их в 39 октаве Четырнадцатой песни:

По берегам редчайшие каменья
Сверкают разноцветными огнями
И подземелья тяжкий полумрак
Пленительным мерцаньем озаряют:
Сапфир в небесной нежится лазури;
Топаз, алмаз, пироп слепят глаза;
Но манят и влекут их переливы
Ласкающих оттенков изумруда.

Но если были бы только алмазы, то вряд ли мы стали бы развивать тему влияния Тассо на творчество Андрея. В поэме Тассо разворачивается главное действие «смерть и любовь». Причем у Тассо оно так тесно сплетено, что, читая кульминационные строки, даже не замечаешь, как одно переходит в другое и как они глубоко проникнуты друг другом. Любовные линии Танкреда и Клоринды, Эрминии и Танкреда, Джильдиппе и Одоардо, поведение блистательной Армиды и война, кровопролитие и смерть идут чередой, сменяя друг друга.

К поэзии Тассо вполне применима триада «любовь-кровь-смерть». Поэзия Андрея гораздо чище, там нет крови, нет войны и боли, но там есть «смерть и любовь». Причем Андрея мало волнует, как и почему случается смерть, для него важнее результат «... мы лежим безносы и безволосы...», а ещё точнее, ему интересней, что там происходит за «шестью

деревянными стенами» (См. «Заросла дорожка к моей оградке»). А это созвучно кондратьевской «... грядущей тоске гробовой» и его же «Обиталищу душ, отрешённых от тела...» (Кондратьев, 2001. С. 296). Только у Андрея как-то пострашнее будет: «Мой труп заверните в пространство...» и «Мой прах заверните в рогожу...» (См. «О, милое сонное братство!»). И вроде крови нет, как у Тассо, но жутковато и как-то безысходно. А Андрей не останавливается и то задаётся вопросом: «Что ты забыла в чужом и пугающем мире?» (Моль), то продолжает «... паковать их в подпочвенные челны...» (Детство гробовщика). Смерть безысходна, но и любовь у Андрея с таким же мрачным оттенком «Я вернусь к тебе ветром в кирпичной щели...» Можешь ли вернуться? Поэтически, звучит безупречно, поэтому, наверное, и метафизично, но желание возразить не исчезает. И возражение напрашивается эдаким постсмертным рефреймингом, в который можно облечь подсмотренную Чарльзом Буковски у Эрнста Хемингуэя мысль о том, что «когда раздаётся сирена скорой помощи, а ты её не слышишь, знай, она гудит по тебе!».

Но не следует думать, что на творчество Андрея оказывали влияние только авторы давно ушедших времён, были и современники, как, например, Борис Рыжий. Рыжий Борис Борисович (1974 – 2001) – русский «уральский поэт» («Я пройду, как по Дублину Джойс...») и абсолютно современный автор, который, насколько известно, не был замечен ни в версификациях, ни в стилизациях и реконструкциях.

***

Я уеду в какой-нибудь северный город,
закурю папиросу, на корточки сев,
буду ласковым другом случайно проколоть,
надо мною расплачется он, протрезвев.

Знаю я на Руси невеселое место,
где веселые люди живут просто так,
попадать туда страшно, уехать – бесчестно,
спирт хлебать для души и молиться во мрак.

Там такие в тайге расположены реки,
там такой открывается утром простор,
ходят местные бабы, и беглые зеки
в третью степень возводят любой кругозор.

Ты меня отпусти, я живу еле-еле,
я ничей навсегда, иудей, психопат:
нету черного горя, и черные ели
мне надежное черное горе сулят.

(Б. Рыжий)

В одном только этом стихотворении Рыжего можно найти все основные нотки его творчества: «северный город», городской колорит, зеки, выпивка, иудей и психи, чёрный цвет, его много, пронзительные пейзажные зарисовки, философия, точнее, сократовская мудрость жизни и бесконечная «безнадёга» - («...я ничей навсегда...»). А вот и мотив Рыжего, который по своему пропел А. Анипко. У Рыжего: «...Там такие в тайге расположены реки,/ там такой открывается утром простор...». А у Андрея: «таких озер – ни у кого на свете/таких лесов – ни на одной макушке...» – блеск! И неповторимость, что у одного, что у другого! А главное, что и Борис, и Андрей уловили – это ритм, тональность Севера. У каждого поэта свой Север: у одного – уральский, у другого – кольский, но ритм и тональность одна.

А ещё город у Анипко это и фонарь... Кажется, что фонарь не только вещь необходимая во время поэтических прогулок, но и символ, означающий лунный свет, такой же тусклый и печальный, а где печаль, там и кладбищенская тишина, которая сродни ночному спящему городу. Пять лун и четыре фонаря в десяти ноктюнах. Залив и город воспеты неразрывно: «... а солнце припекает, / алмазным полозом залив...», «маслянистая мякоть залива...», «... но в горлышко залива / вливается неистовая Кола...» и тут же рядышком про город: «Мурманск – это ты, и я, и прочий / сброд... », «... и каплей мёда стынет Мурманск...». И далее в полный голос поэт провозглашает:

...и Город встал на Семи террасах
и музыку Севера услышал
и смуглые дни в ледяных кирасах
рассыпали сполохи впопыхах.

Андрей слушал музыку Севера, когда ходил пешком по городу. Он дышал Мурманском полной грудью. Как вспоминала Светлана Сазонова, известная мурманская тележурналистка, о своих встречах с не менее известной писательницей Александрой Серапионовной Хрусталёвой: «... она неукоснительно следовала этому давно заведённому правилу – в любую погоду обязательно два часа “дышала Мурманском”» (Сазонова). Так и Андрей, сам дышал Мурманском, и нам даёт им надышаться в своих

стихах. А дышать родным городом – всё рано что безотчётно любить его. Любовь у Андрея и печальная: «Я вернусь в ледяную отчизну...», и сочная и радостная, как после разлуки с родиной: «моя любовь к арктическим широтам, / где солнце абрикосовым сиропом / на облачных лоснится жеребят».

Но любовь – это ещё и Бог, да только не у Андрея. Его Бог, то матерно бранится («... оглохла от матерной брани Бога»), то «... умирает Бог остаются ноты»... В его стихотворениях достаточно религиозных фрагментов и мотивов, но они не всегда христианские, встречаются и языческие, и даже анималистические, или, точнее, «светофитонистические»: «... и молюсь голубому лучу / распоровшей асфальт забудки...». Нет веры, есть метания и поиск. Это состояние души Андрея, души метущейся и наполненной любовью, удалось прочесть у Тассо в 22 октаве Шестой песни «Освобождённого Иерусалима»:

Меж городом и христианским станом
Пространство есть обширное: его
Поверхность без неровности малейшей
Как будто предназначена для боя

И этот бой Андрей ведёт сам с собой. Ведёт его каждый день и каждый день проигрывает. Ведь если его поместить в ту эпоху – рыцарей-крестоносцев, то чью сторону он займёт? А заняв сторону христиан, в каком лагере он окажется, ведь к началу Первого крестового похода уже случилась Великая схизма (1054 г.)?

Оставим этот вопрос открытым. Попробуем рассмотреть основной, как нам кажется, лейтмотив многих стихотворений этого сборника.

Смерть и любовь. Можно, и вполне естественно для поэта и его поэзии, относиться к этим словам как к устойчивому поэтическому выражению, создающему определённый образ или целую галерею образов. Но можно, не забывая поэтической наполненности этого выражения и даже некоторой метафоричности, относиться к нему философски. Тем более, что Андрей даёт к этому все основания. В 2000 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Алетейя», увидело свет психолого-философское исследование «О происхождении нравственного познания» Франца Brentano (1838–1917), видного мыслителя, учителя Эдмунда Гуссерля, заложившего одним из первых феноменологическую традицию в современном философском знании (Brentano, 2000. С. 12). Переводчиком этой работы был не кто иной, как Андрей Анипко, тогда

ещё совсем молодой человек 23 лет от роду, ищущий себя то на философском, то на филологическом факультетах Санкт-Петербургского государственного университета.

Без сомнения, проблемы, исследуемые Ф. Brentano, – «любовь и ненависть», «добро и зло» – были ясны и понятны Андрею как переводчику. Но, видимо, неудовлетворённость от представленных решений, изучаемых проблем Brentano, толкнула Андрея на поиск смысла другого сложного и устойчивого выражения «смерть и любовь», но иными, поэтическими, средствами. Можно предположить, что для Андрея это устойчивое выражение, скорее всего, предстаёт как конstellляция. А это, как известно, не простая сумма, возникшая от сложения двух членов, а их сложное взаимодействие. В случае конstellляции «смерть и любовь» мы, возможно, имеем дело как минимум с одной акциденцией. Если «смерть» являет собой некоторую сущностную категорию, трактуемую более или менее понятно, то «любовь» очень похожа на акциденцию в той части её случайного происхождения, непостоянства и изменчивости, а главное не препятствующей сущности оставаться тем, чем она является. В данном случае сложность и труднообъяснимость акциденции «любовь» вызвана её противоречивым характером. С одной стороны, эта акциденция имеет имманентные свойства, т. е. обладает внутренним опытом действий и чувств, а с другой, обладает противоположным этому свойству – трансцендентным характером, т. е. недоступным опытному познанию, чем-то данным сверху или извне. Возможно, эта конstellляция с точки зрения философии не совсем корректна, но поэтическим средствам доступна.

Мы не расположены в данной статье к глубокому философскому анализу конstellляции «смерть и любовь», но можем предположить следующее.

Во-первых, требуется специальное доказательство динамической сущности понятия «любовь», что, как нам видится, в первом приближении имеет имманентно-трансцендентальные свойства, что в свою очередь, даёт основание предположить существование и не только ассерторических (утвердительных, не требующих логических оснований) знаний в отношении его, но и аподиктических, т. е. противоположных ассерторическим знаниям, основанных на принципе исключения противоположного и непреложной необходимости. Наличие, как минимум, двух видов знания и их взаимоотношения дают основания

полагать, что это понятие, в нашем случае, акциденция «любовь» является утверждением простой возможности и действительности.

Кроме того, любовь это ещё и психологический феномен. Следовательно, можно рассуждать об интенциональности, или некоторыми отношениями между сознанием, языком и миром, присущей любви, а это прямая связь с сознанием, а оно, в свою очередь, предметно, т. е. связано с чем-либо или относится к чему-то. А если это так, то любовь, как опыт, не только предметен, т. е. противостоит субъекту, но и присущ субъекту (с этим положением спорить бессмысленно), а, следовательно, подвержен переживаниям. По-бrentановски можно дальше определить истину как «переживание очевидности» (Бrentано, 2000. С. 25).

Во-вторых, мы имеем дело с явлением смерти. Смерть как биолого-физиологический феномен не демонстрирует интенциональности, т. к. она свойственна только психологическим феноменам. Или по-другому, по-бrentановски, попробуем сформулировать проблему. Что или, точнее, какой предмет интенционально содержится в явлении смерти? Нам ответ неизвестен, Андрею, видимо, тоже. Но он попробовал воспеть или поэтическими средствами понять что может быть до и после. Поэтическая смещённость или подвижность точек зрения на явление смерти представляется нам попыткой поэта уловить ту самую бrentановскую истину, очерченную «переживанием очевидности» ... которую пока что ПЕРЕЖИТЬ никому так и не удалось.

Любая хорошая поэзия трагична! Трагичен образ поэта Андрея Анипки. Память о нём попытались оставить в этом стихотворении.

***

Был утончённый мальчик –
Звнящая струна...
Воспетый им любимой пальчик –
Но это же игра!

Играл на струнах рек
Умело... «алмазным плектром»
И сам себе предрек на век...
Однажды нежным утром...

Не видеть солнечный восход – закат
Над «мякотью» тяжёлых вод залива,
Оставил лишь свой след от пят,
Гуляя по тропе серебряной Луны сонливо...

В завершение хотелось бы выразить, во-первых, благодарность и, во-вторых, развеять сомнение. Выражаем благодарность тем, без кого не состоялась бы эта книжка. Прежде всего, маме поэта – Нэле Александровне Анипко, которая мужественно терпела всех нас, имевших отношение к изданию этого сборника стихотворений Андрея, за ее преданную любовь к сыну и память о его творчестве. Низкий поклон равнодушному и талантливому филологу, доценту МАГУ Ивановой Людмиле Львовне, по сути положившей начало исследованию «масок» поэзии Андрея Анипко. Особая благодарность самобытному художнику «Флейты» Василию Рябкову: он оформил первую («Увертюру») и посмертную книжки поэта, таким образом как бы зарифмовал (закольцевал) северные циклы уроженца нашего города.

Во-вторых. Мы не преследуем целью ту хитрость, о которой писал А. А. Пурин в отношении Михаила Кузмина, представить Андрея как можно более «русским» и «кольским», делая его при этом «... как можно менее петербургским и культурным» (Пурин, 2010. С. 139). Эта книга о любви к своей малой родине и Санкт-Петербургу. Это книга о жизни и смерти. И о том, что бывает после неё.

И. Б. Циркунов

Литература

Аристофан. Аристофан «Лягушки». www.librebook.ru/liagushki/voll/10 Дата обращения 28.05.2015 г.

Брентано, 2000. Брентано Ф. О происхождении нравственного познания / Пер. с нем. Анипко А. А., предисловие Разеев Д. Н., Черненко С. В. – СПб., 2000. – 186 с.

Кондратьев, 2001. Кондратьев А. А. Боги минувших времён: Стихотворения / Сост., вступ. ст. В. Крейда. – М., 2001. - 317 [3] с.

НБМ, 2003. Наука и бизнес на Мурмане: Науч.-практ. журн. – Мурманск: Кн. изд-во, 1996. – (История и право; т. 14). № 4 (37): Лапландия и саамский народ. – 2003. – 72 с.: ил.

Пурин, 2010. Пурин А. А. Листья, цвет и ветка. О русской поэзии XX века – СПб., 2010. – 384 с.

Рыжий. Борис Рыжий. Стихи <http://www.vavilon.ru/metatext/ocherki/ryzhy.html> Дата обращения 10.06.2015 г.

Сазонова. Сазонова С. Д. Память сердца / Воспоминания // Женщины из морского братства. Александра Серапионовна Хрусталёва. <https://museumnb.wordpress.com> Дата обращения 17.06.2015 г.

Северин, 2002. Северин А. Увертюра: Стихи. – Мурманск: Кн. изд-во, 2002. – 44 с., ил.

Тассо, 1910. Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим», перевод В. С. Лихачёва – 1910. http://az.lib.ru/t/tasso_t/text_0020.shtml Дата обращения 18.06.2015 г.

Содержание

<i>Колыбельная Мурманску</i>	3
<i>Эссе. Андрей Небко. «Лестница Иакова»</i>	15
ЛАПЛАНДСКИЙ ЦИКЛ. 2005-2006	21
Аллегорический этюд	23
«День раскрашен в зеленый и земляничный...»	24
«Небо смято грубой рукавицей...»	25
«Небо закрытое на ремонт...»	26
«Далеко за синим горизонтом...»	27
№ 7	28
«... оглохла от матерной брани Бога...»	29
«что за глазки горят в коляске?...»	30
«поморская природа не парадна...»	31
«лег на крылья крапленые август...»	32
«таких озер – ни у кого на свете...»	33
«я в Лапландии вырос...»	35
«Вечер на побережье...»	37
«Я вью серебряные нити...»	38
«Неужели ты будешь последним...»	40
«Мурманск – это ты, и я, и прочий...»	41
«маслянистая мякоть залива...»	42
«здесь проходил безымянный апостол...»	43
НОКТИЮРНЫ. Ноябрь 2001-январь 2002	45
№ 1	47
№ 2	47
№ 3	48
№ 4	49
№ 5	50
№ 6	51
№ 7	52
№ 8	53
№ 9	54
№ 10	55

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ	57
Арифметика	59
Ночной арест	60
Камень	61
«За гранью стекла, за космической пылью...»	62
Ручеек	63
Флейта	65
«Постой на пороге. Помедли. Теперь оглянись...»	66
Стихи с бромом	67
Вода.....	68
Железнодорожная элегия.....	69
«Мой виноградник пахнет жезью...»	71
Дорога	73
Лестница Иакова	74
Сомнение	76
Зодчий	77
Перебежчик	79
И звезды	81
Отхожее сердце	82
Моль	83
Вечный покой	84
Заклинание	85
«О, милое сонное братство!	86
Regretium mobile	87
Сад	88
Не я живу.....	89
На день своего рождения	90
Стрелка	91
Как я стал собакой	92
Гишпанский дневник	93
Путник	94
Плацкарта	95
«Я задремал. Ты плакала над гробом...»	96
Разговор	97
Черный марш	98
Последний дождь	99
Юджину	100
<i>Освобождённый Северин</i>	101